

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

38

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Пирожкова. Трагедия свободы</i>	1
<i>А. Федосеев. Трудящиеся и коллективизм</i>	3
<i>М. Михайлов. Мировая гражданская война</i>	5
<i>А. Онульский. Творчество Достоевского и агиография</i>	11
<i>Протоиерей Д. Константинов. Церковь и война</i>	16
<i>Н. Воейков. Русские в Палестине</i>	20
<i>Д. Штурман. Наука или опять утопия?</i>	23
<i>В. Кобылин. "Бесы"</i>	30
<i>Е. Кармазин. Юридические заметки</i>	33
<i>В. Пирожкова. Несколько слов о свободной прессе</i>	40
<i>В. Рудинский. Обзор зарубежной печати</i>	41
<i>В. Пирожкова. Памяти Барбары (Варвары Казимировны) Топорской-Мацкевич</i>	47
<i>Письмо в редакцию</i>	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 38

Сентябрь 1985

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

ТРАГЕДИЯ СВОБОДЫ

Последнее время вся пресса в США полна сообщениями и комментариями по поводу семьи Уоркеров, которые, будучи моряками США, отец — офицером, сын — матросом, шпионили в пользу СССР. Отец вел шпионскую работу в течение 20 лет и создал вокруг себя целую группу шпионов. Он учил своего сына и своих друзей этому искусству. Газеты задают вопрос, как это могло произойти? Ведь Уоркеры и их друзья-шпионы все чуть ли не потомственные морские офицеры США. Как же они могли предать свою родину? Изменить присяге? Американская пресса вообще сходится на том, что здесь играли роль в первую очередь деньги.

Ряд русских авторов занялись на страницах "Нового Русского Слова" также разбором этой проблемы. Эти авторы не согласны, что деньги стояли на первом месте. Как известно, КГБ платит скупо, да и было бы слишком примитивно вербовать офицера прямым и грубым предложением денег. Русские авторы указывают также на то, что в ставших известными письмах Уоркера-сына своему отцу сквозит ненависть к США. И русские авторы совершенно справедливо указывают на американские средства информации, печать, радио, телевидение, включая многие игровые фильмы, где органы американской контрразведки представляются настолько отвратительными, что многие молодые люди начинают считать их своим главным врагом. Все это верно. Средства информации в западных странах почему-то все более или менее левые. Следовало бы, может быть, исследовать, отчего они в большей или меньшей степени левые, но в данной статье мы хотим заняться другим вопросом.

"Почему эти офицеры нарушили присягу?" — спрашивает американская пресса. Что же такое присяга и кому она приносится? В прежние времена она приносилась монарху. Понятие нации не играло большой роли. Вспомним легендарного барона Тренка, который по очереди служил офицером в Пруссии, России и Австрии. Он принес присягу Фридриху Великому, императрице Елизавете и императрице

Марии-Терезии. При этом по тогдашним европейским понятиям он не делал ничего бесчестного, т. к. он откровенно уходил от одного монарха к другому и то время, когда он служил одному монарху, он ему не изменял даже постфактум. Так, перейдя на службу в Россию, он не открыл русским военным тайны прусских укреплений, т. к. тогда, когда он узнавал эти тайны, он был еще под присягой у прусского короля. В России у него и не потребовали нарушения прежней присяги. Точно так же он не выдал потом австрийцам того, что узнал, пока служил в русской армии. Присяга касалась только суверена, монарха, а не народа, не нации, она была действительно до тех пор, пока давший присягу не уходил открыто к другому монарху. Предателем, изменником он стал бы, если бы тайно изменял, пока еще служил данному монарху. Присяга монарху была ясной и определенной. Давший присягу должен был повиноваться данному монарху, и не его дело было задаваться вопросами, ведет данный монарх политику полезную и хорошую для нации или нет. Он присягал не нации. Не его дело было о ней заботиться.

Это сознание начало постепенно меняться во всех европейских странах, в одних раньше, в других позже. Там, где, как в рано объединившейся России, где вера и нация совпали в своих границах и где было так много борьбы и страданий из-за вторжения азиатских нехристианских полчищ татар, понятие народной общности родилось раньше, чем, скажем, в раздробленной Германии. На островной Англии да и в тоже рано централизованной Франции тоже несколько раньше. Но присяга везде приносилась монарху.

Начало современному национализму было положено французской революцией 1789 г. Очень ошибаются те, которые думают, что национализм — это консервативное направление, правое. Национализм родился из революции. Мы имеем в виду националистическую идеологию, а не любовь к своему народу, не патриотизм. Современный национализм возник то-

гда, когда во Франции была свергнута монархия и возникла проблема, кому же революционные войска должны приносить присягу? Заменой монарха стала нация. Присяга приносилась нации, народу, государству как таковому.

Монарх был определенным лицом. После его кончины на его место вступал его законный наследник. Вспомним, какую роль законность имела в России. Все самозванцы, включая Пугачева, выступали под личиной законного монарха. Даже декабристы были вынуждены обмануть солдат, сказав им, что Николай I узурпирует престол, законный же император — это Константин. Только потому они согласились подняться.

Верность определенному лицу более или менее понятна каждому. А что такое верность нации? Нация — понятие расплывчатое, интересы ее ясно не определены. Почему человек должен думать, что данное правительство представляет наилучшим образом интересы нации?

Каждое правительство базируется на каком-нибудь принципе, который делает его в глазах населения законным. В демократии — решение большинства населения данной страны, данной нации. Большинство совсем не обязательно должно быть всегда право, и совсем не обязательно оно голосует за то лицо или за ту партию, которые поведут страну по наилучшему пути. Не говоря уже о том, что нет абсолютных критериев для определения наилучшего пути и каждый может иметь относительно него свое мнение. Меньшинство подчиняется решению большинства не потому, что оно уверено в непогрешимости большинства, а потому, что таковы правила, на которых построена в данном государстве власть, и еще потому, что (это очень важно) за меньшинством сохраняются известные права, в частности, право свободной громкой критики избранного большинством правительства и его действий. Кроме того, меньшинство имеет шанс уже на следующих выборах превратиться в большинство. Все это делает для меньшинства выносимым подчинение воле большинства на тот срок, на который выбран данный президент или данное правительство. Абсолютная диктатура большинства над меньшинством была бы вопреки мнению марксистов не менее невыносима, чем диктатура меньшинства над большинством. Но во многих людях живет открытое или тайное, даже иногда неосознанное, желание слияния со всем народом, с массами, с нацией в единой воле. *Volonte generale* Руссо — это явная или тайная мечта многих людей. Эта общая воля должна быть выражена в одной идее и в одном человеке. И вот это-то и стало основой современных тоталитарных систем. Если в национал-социализме в основу была положена даже не воля нации, а воля расы — среди немецкого народа после чаемой победы должно было тоже быть проведено расслоение, а из других

северных европейских народов должны были влиться "лучшие" элементы, — в то время, как другие расы автоматически исключались из этой воли, единая воля коммунистической идеологии интернациональна.

Коммунисты считают, что обладают непогрешимой идеологией, способной осчастливить все народы земли, все нации в их большинстве трудового и "эксплуатируемого" народа.

И вот тут мы подошли к исходному пункту. Человек дает присягу быть верным своему народу, своей нации. Но связана ли эта присяга автоматически с верностью данному правительству этой нации? Мы знаем, что во вторую мировую войну больше миллиона бывших советских военнослужащих готовы были поднять оружие против страшной коммунистической диктатуры, олицетворявшейся тогда Сталиным. Формально они нарушали данную ими присягу, но никто из них не считал, что он нарушил долг верности своему народу. Наоборот, они были уверены, что вступили на этот трудный путь во имя освобождения своего народа, вернее, своих народов, от страшного коммунистического рабства. Они ошиблись, и в этом была их трагедия. Но и те, кто сражался на другой стороне, будучи не менее честно уверенными, что они спасают свой народ, не добились для него сносной и свободной жизни. Однако не это теперь является предметом нашего размышления, а феномен, когда многие могут нарушать формально присягу, будучи тем не менее уверенными, что они не изменили верности своему народу.

Во время той же второй мировой войны мы видели, что коммунисты не только при нацистской или фашистской диктатурах работали против военных усилий своих стран, но и в демократических странах, во Франции, в Англии, до тех пор, пока Гитлер не вторгся в Советский Союз и он не стал автоматически союзником Англии (Франция тогда уже вышла из войны). Бывший английский коммунист, член редакции "Дэйли Уоркер", Дуглас Гайд, порвав с компартией, рассказал в своей книге "Я верил..." с какой уверенностью коммунисты саботировали военные усилия Англии вплоть до 22 июня 1941 г. и как они без малейшего колебания повернули на 180 градусов и стали поддерживать военные усилия своей страны после этой даты.

Начало этому развитию положила последовательность Ленина, ставившего уже в первую мировую войну ставку на поражение своей страны в войне. Затем кровавая гражданская война в России показала, как трагично может разделиться "воля нации". Пусть жестоко ошибались те, кто по убеждению пошел в ряды красных, но все же нелепо было бы утверждать, что красные победили лишь руками инородцев или продажных элементов. Думать так означало бы унижать Белую Армию — против

вышеозначенного элемента она бы победила.

Этот страшный опыт, увы, мало кого научил. Как-то раз мне пришлось быть в смешанном обществе русских, балтийских и "настоящих" немцев. Балтийские немцы тоже говорили по-русски, и мы нередко перекидывались русскими фразами. Вдруг один из "настоящих" немцев, офицер, сказал: "Что сказали бы мои товарищи, если б узнали, что я нахожусь в обществе, где говорят по-русски?" Я посмотрела на него с удивлением и ответила: "Те солдаты, с которыми вам в случае войны придется прежде всего сражаться, будут говорить по-немецки". "Да, — ответил он, — для нас всех это проблема". Особенно в разделенной Германии является роковой ошибкой то, что войнам западногерманской армии не объясняют, какой характер будет носить будущая война: не национальный, а идеологический. И это после того, как именно Германия во второй мировой войне так жестоко поплатилась за то, что вела националистическую войну там, где надо было вести идеологическую.

Если человек убежден, что организация общества, которую называют социалистической, лучшая для общества, также и для его народа, его нации, его не остановит присяга верности нации: он считает, что он верен своей нации, работая против ее правительства.

Борьба идет в наше время не между одной нацией и другой, а между коммунизмом и свободой. А свободе не приносят присяги. Больше того, свобода похожа на воздух: когда она есть, ее не замечают, только когда ее больше нет, люди начинают задыхаться. И в этом трагедия свободы. И среди русских эмигран-

тов немало пользующихся свободой и бранящих ее. Ведь существует не только свобода от чего-то, но и свобода для чего-то, т. е. для добрых дел, для духовного самоусовершенствования, для святости. Верно. Но исполнение этой свободы предполагает сначала свободу от тотальной идеологической диктатуры. Мы теперь видим очень ясно, что коммунистическая тотальная диктатура не ведет к внутреннему росту человека, как это нередко утверждали те, кто ее никогда не попробовал на себе. Даже те, которым с великим усилием удается сохранить человеческое и даже найти христианское лицо, несут тяжелые душевные потери и ущербы. И как может быть иначе, если Сам Господь дал нам этот великий, по словам Достоевского, страшный дар свободы. Этот дар, который люди так часто стараются отбросить от себя, ища, кому бы поклониться, опять-таки, по словам Достоевского, вместо того, чтобы осуществлять себя, свою личность в свободном обращении к Богу, в смиренном приятии данного Им дара свободы и в бережном обращении с ней по отношению к себе и по отношению к своему ближнему.

Но это не ценности массового человека. Однако как раз мы, эмигранты, мы, бежавшие от самого страшного насилия к массовому человеку, мы должны особо бережно хранить эти ценности, особо противостоять всякой попытке сделать из нас не самостоятельно мыслящих людей, а попутчиков какого бы то ни было направления, какой бы то ни было личности. И помнить, что основная борьба ведется в наше время за сохранение драгоценного дара свободы, без которой ничто невозможно.

А. П. Федосеев писал в нашем журнале № 19 (декабрь 1980 г.) о Э. Шеварднадзе, ныне министре иностранных дел Сов. Союза. Таким образом, то, что писал наш соавтор, оказалось в настоящий момент весьма актуальным, и многим нашим читателям, возможно, забывшим об этой статье, будет интересно взглянуть на портрет этого человека, который теперь очаровывает своей улыбкой дипломатов. Мы помещаем тот отрывок из статьи А. П., в котором говорится о Шеварднадзе.

Редакция

А. ФЕДОСЕЕВ

ТРУДЯЩИЕСЯ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

"Жизненные ценности человека являются критерием его поведения в обществе, критерием его представлений о счастье и достоинстве. И чем больше в этих ценностях духовно возвышенных, тем больше гарантии, что человек никогда не позволит себе впасть в унижительную зависимость от сиюминутных материальных потребностей, не позволит материальному подавить в себе духовное".

Кто же это сказал? Бьюсь об заклад, что не догадаетесь. Это сказал в интервью для "Литературной Газеты" (17. 9. 1980) кандидат

в члены Политбюро, первый секретарь Ц. К. компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе.

"Наш девиз: за человека в человеке". "Душа человека во сто крат тяжелее его тела". Такими высказываниями (своими и чужими) испещрено все его интервью.

Я уверен, что вы, как и я, от всей души могли бы подписаться под такими высказываниями.

А вот, однако, и высказывание Карла Маркса, тоже приведенное Шеварднадзе: "если ха-

рактик человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими”.

Почему же после шестидесяти с лишком лет усиленной переделки грешных людей в социалистические святые приходится поднимать антимарксистский, антисоциалистический вопрос о превосходстве духовного над материальным, души над телом? Впрочем, тут же, походя, Карлом Марксом, выводить духовное из материального бытия? Для этого у Шеварднадзе есть две главные причины.

Как известно, в социалистической Грузии расцвели пышным цветом “материалистические, частнособственнические пережитки”, почти полностью разрушив в Грузии социализм. Шеварднадзе было поручено срочно восстановить высокую социалистическую мораль в Грузии. В интервью Шеварднадзе с гордостью заявляет об успешном выполнении поручения. Однако духовность в людей не вспрыснешь как лекарство, нестроишь как кирпич в стену, не сагитируешь даже тысячу речей. Тем более, в течение нескольких лет, выделенных для Шеварднадзе. Шестидесять лет старались и не смогли, а Шеварднадзе смог за два-три года? Пытаясь отвергнуть сомнения в его успехах, Шеварднадзе раздувает выданный ему на вооружение “партией и правительством” новый, высоко духовный арсенал (весьма необычный) до небес. И только мимоходом отмечает, что пришлось ему заниматься не только духовностью, но и бытием. Занятие бытием, в соответствии с рецептом Карла Маркса, выразилось в нескольких тысячах расстрелянных рядовых граждан и в нескольких десятках смещенных высших советских чиновников. Об этом разгроме в Грузии в интервью, естественно, ничего не говорится.

Конечно, Шеварднадзе все равно никто не поверит. Учиненный разгром в Грузии не первый, а грузины все не переделываются.

Вторая причина заключается в том, что Грузия являет собой лишь наиболее яркое выражение того процесса, который происходит по всему СССР, несмотря на социалистическое бытие. Интервью явно рассчитано не только на Грузию. Развал происходит везде, если не считать военной машины, процветанию которой социализм очень способствует. Интервью Шеварднадзе свидетельствует о явной растерянности руководителей социализма, пытающихся взять на вооружение душу и духовность после явного провала рецепта Карла Маркса. Шеварднадзе поручено поднять новое знамя — духовности, — что он очень умело и делает. Как и полагается, это знамя духовности уже подхватила и несет далее вся сов. пресса, радио, телевидение.

Соответствующие инструкции даны и КГБ: новая “духовность” социализма есть превос-

ходное средство разложения эмиграции и Запада.

В интервью легко заметить, что острие “духовности” направлено (в СССР) на “восстановление” правильной “границы между разумными потребностями и безнравственным потребительством” (Шеварднадзе). Человек должен “соотносить свои потребности с возможностями (!!) общества, с личным трудовым вкладом (!) и собственным положением (!) в обществе” (Шеварднадзе).

Дело в том, что 67 миллионов жертв строительства социализма, мощь КГБ, тюрьмы и концлагеря, колоссальная система промывания мозгов от рождения до могилы так и не смогли заставить людей принять социализм и добросовестно работать на него. К сожалению для руководителей социализма, количество вложенного человеком труда, не говоря уже о добросовестности его, измерению не поддается, несмотря на все шестидесятилетние попытки это сделать с помощью научного нормирования труда и учета многочисленных, но всегда неисчерпывающих факторов. Одного, двух, десятков людей еще можно уличить в халатности и бездельи и примерно наказать. Миллионы же, несмотря на всю бдительность социализма и все системы оплаты труда, продолжают плохо и мало трудиться, практикуя “трудо-вой обман”. Существенно, что во всей системе социализма, практически, нет ни одного человека, который был бы лично заинтересован в честном труде и в выведении наружу этого “трудо-вого обмана”. Тот же Шеварднадзе в своем интервью явно занимается очков-тирательством, оценивая свой труд и труд “всего грузинского народа”, как успешный при “восстановлении” социалистической морали в Грузии. Даже Брежнев, кроя по матушке своих соратников за “трудо-вой обман”, открыто, в печати, чрезвычайно приукрашивает результаты “труда советского народа” и не только замалчивает “трудо-вой обман” миллионов, но и не позволяет показа в статистических сводках существующего, явного преобладания минусов социализма над плюсами. Таким образом, вся социалистическая система от Брежнева сверху до последнего лодыря внизу не содержит в себе ни одного звена, которое было бы лично и сильно заинтересовано в реализации соответствующего количества и качества труда за соответствующую зарплату. Ленин и другие вожди социализма превосходно эту ситуацию понимали и бессильно мечтали о капиталистическом хозяине в своем социалистическом бытии. “Хозяин — народ” и хозяин — собственник оказались не равнозначными. В физике есть закон, по которому явления предпочитают развиваться по пути наименьшего сопротивления с затратой наименьшей энергии. Люди, как правило, следуют этому закону тоже: “где бы ни работать, что

бы ни работать, лишь бы не работать". Конечно, это последнее утверждение совсем не означает, что люди всегда преследуют только выгоду. Отнюдь нет. Их мотивы всегда сложны и могут быть весьма и весьма нравственными. Однако работать без результата их никогда не устраивает. Поэтому и лозунг "Труд в СССР есть дело чести, доблести и героизма" эффекта не дает. Не дают эффекта и награждения званиями, орденами и медалями.

В результате, вот уже десяток лет, как уровень жизни трудящихся в СССР неуклонно понижается: трудящиеся производят все меньше и меньше товаров и все худшего качества. Даже и свою невысокую зарплату им девать некуда, кроме как класть в сберкассу. И ведь каждый трудящийся великолепно понимает, что, если он плохо работает, так ему и жить плохо: сам по себе социализм ни хлеба, ни одежды не производит. Все это должны делать сами трудящиеся.

Явная неэффективность (почти бессмысленность) труда приводит к извращению и в образе жизни трудящихся. Приходится им пускаться во все тяжкие: воровать, давать и брать взятки, заниматься бюрократией, спихотехникой*, очковитирательством, бездельничать, пьянствовать и т. д. и т. п. И вместо "утверждения культа труда в каждой ячейке общества, в каждой семье" происходит обратное: "что я тебе дурак, чтобы работать?". Шеварднадзе остается только голосить о том, что нужно "вытеснять из образа жизни низменные потребности возвышенными", что означает: работай, работай и работай, если даже толку для тебя от этого нет, и затягивай потуже ремень на пузе.

В 1969 году я всматривался в Воронцовском дворце, в Алушке (Крым) в изумительной красоты и мастерства лепные украшения, паркетные полы, стенные гобелены и обои, архитек-

турные детали, сохранившиеся со времени крепостничества. Тут же, при выходе, зайдя в современную общественную уборную, поразился контрасту между изумительным искусством крепостных и не менее изумительной халатной работой свободных социалистических строителей современного сооружения. Только такие контрасты и позволяют почувствовать всю привычную уже халтуру советских свободных трудящихся. Видимо, у "крепостных рабов" был кто-то, заинтересованный в развитии их творчества и умевший их обучить даже не мастерству, а подлинному искусству. При социализме такие заинтересованные люди блистательно отсутствуют и не потому, что их нет потенциально, но потому что в структуре социализма для них нет ни места, ни возможностей.

В этом смысле социализм с его единой организацией обобществленного хозяйства всей страны много хуже даже крепостничества, которое все же допускало индивидуальную волю и инициативу, т. е. частную собственность. (Только, чур, не посчитайте, что я агитирую за крепостничество!)

Спрашивается, можно ли это сползание вниз в стране социализма прекратить и начать подъем и материальный, и духовный? Бесспорно, нет. Ухудшение будет нарастать и захватит собой и военную машину. (Это, естественно, заставляет вождей СССР торопиться с использованием этой военной машины для шантажа и покорения Запада.)

Социализм (коллективизм) неспособен к расчетливому и эффективному ведению хозяйства и при всех его средствах устрашения неспособен заставить людей работать, забывая личные интересы во имя интересов общества.

Социализм (коллективизм) в исторической перспективе обречен на разрушение и исчезновение. Это, конечно, отнюдь не означает, что он, если не будет раньше уничтожен силой, не сможет до этого поработить весь Запад. Для этого у него есть на Западе миллионы и миллионы бескорыстных помощников, еще не понимающих к чему они стремятся.

М. МИХАЙЛОВ

МИРОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(Окончание. Начало в № 37)

"МИРОВОЙ ЖАНДАРМ"

С точки зрения осознания ныне единственно реальных противоборствующих сил в нашем мире, тоталитаризма и демократии, чрезвычай-

Настоящая статья является отрывком из книги "Тирания и свобода", готовящейся к печати. Редакция приносит читателям извинения за то, что об этом не было сообщено в № 37.

но интересным представляется анализ внешней политики самой большой и самой мощной западной демократии — Соединенных Штатов Америки. Интерес этот усугубляется еще тем, что именно Америка в 1977 году впервые в истории сделала короткую и малоудачную попытку изменения только государственной внешней политики в общепланетарную.

Два века, с тех пор как существует незави-

самая американская демократия, и все время до 1977 года, а также после него внешняя политика страны преследует лишь одну единственную цель: защитить и сохранить существующее в Америке демократическое устройство. Эту цель можно назвать консервативной в положительном смысле этого слова. Консервировать — это и значит сохранить. За все два столетия американской истории можно наблюдать только три типа внешней политики, менявшиеся под давлением мировых обстоятельств, но преследовавшие одну и ту же консервативную цель. Первый тип внешней политики США доминировал все 19-е столетие, а в 20-м — до начала первой мировой войны и между двумя мировыми войнами. Упрощенно говоря, этот тип можно охарактеризовать словом изоляционизм, попыткой невмешательства в общемировые дела, лишь слегка скорректированной “доктриной Монро” в 19-м столетии, признающей весь американский континент сферой жизненного интереса США.

Обе мировые войны принудили Соединенные Штаты изменить внешнюю политику изоляционизма и принять активнейшее участие в вооруженной борьбе на других континентах. Время первой и второй мировых войн характеризует второй тип американской внешней политики, то есть активную борьбу в мировом масштабе за победу над врагом, чье усиление угрожало бы в будущем главной цели американской политики — сохранению американской демократии. Третий тип американской внешней политики начался после второй мировой войны, хотя его зародыш можно наблюдать уже в деятельности президента Вудро Вильсона по созданию Лиги Наций, и продолжается до нынешнего времени с коротким перерывом или даже только с намеком на перерыв в 1977 году. Этот тип американской внешней политики вернее всего было бы назвать “поддержанием статуса кво” в мировых масштабах. В отличие от первого типа политики — изоляционизма, теперь уже Соединенные Штаты активно вмешиваются во всю мировую политику, однако отнюдь не с целью победы над мировым противником, а лишь с целью поддержать постоянное равновесиепротивоборствующих сил. При этом необходимо добавить, что в отличие от тоталитарных движений, и нацистского, и коммунистического, Соединенные Штаты Америки отнюдь не пытались и не пытаются распространить свою демократическую систему на всю планету. Этому мешала основная цель, определяющая все три типа американской политики, — цель сохранительная. В результате самая большая мировая демократия нередко поддерживала и поддерживает, например, в Южной Америке и в Азии, сугубо недемократические, авторитарные режимы, и в наше время не только правые, но и левые.

Такой “сохранительной” деятельности в сво-

ей внешней политике США обязаны ярлыком, прикрепленным им в пропагандных целях, — “мирового жандарма”. Очень интересно отметить, что этот ярлык — “мировой полицейский” — применялся и в Соединенных Штатах, с совершенно противоположной смысловой нагрузкой, чем в коммунистических странах. Дело в том, что в демократических обществах полиция все еще символизирует силу, сохраняющую законность и порядок, в то время как в недемократических странах — это символ насилия и беззакония. Вряд ли в США понимали антиамериканское значение этого ярлыка.

Однако именно в наше время становится все яснее, что стремление к поддержанию статуса кво не может дать никаких положительных результатов, поскольку другая сторона не заинтересована в таком положении. Лучшей иллюстрацией невозможности поддержания статуса кво служит история с Вьетнамом. Как известно, в пятидесятых годах в Северном Вьетнаме была проведена насильственная коллективизация, конечно, вызвавшая ожесточенное сопротивление крестьян. В то время многие политические лидеры в Южном Вьетнаме предлагали материально и оружием поддержать сопротивление крестьян на Севере, то есть помочь борьбе с однопартийной коммунистической диктатурой. Америка, в то время уже после поражения Франции, вовлеченная во вьетнамские дела, по обыкновению преследуя цель сохранения статуса кво, пресекла всякие попытки поддержки антикоммунистических настроений на Севере. Через несколько лет, после того как в Северном Вьетнаме была ликвидирована малейшая независимость и свобода всего населения от коммунистической партии, Северный Вьетнам сам начал гражданскую войну в Южном Вьетнаме. Чем это окончилось, все знают. Необходимо только добавить, что и военное поражение явилось результатом основной в наше время порочной политической концепции — сохранения статуса кво, так как целью американской армии отнюдь не была победа над противников — Северным Вьетнамом, а лишь попытка возврата к тому положению, которое предшествовало началу войны. Соединенные Штаты надеялись на повторение корейской истории, когда окончание войны означало полный возврат к политическому и военному равновесию, существовавшему до начала конфликта.

Ничто лучше не иллюстрирует бесплодность политики поддержания статуса кво в наше время, как тот факт, что Америка, а с ней и весь демократический мир претерпели за последние 10—15 лет так много внешнеполитических поражений, несмотря на то, что в это время американскую внешнюю политику определял один из талантливейших дипломатов и государственных деятелей 20-го столетия

доктор Генри Киссинджер*. Не Киссинджер был плох, а основная цель американской политики. Поддержание равновесия сил между разными государствами, союзами государств, вся та дипломатическая игра, на которой основывалась международная политическая жизнь 19-го столетия и которую так талантливо вел Киссинджер, — в нынешнем мировом положении полностью устарела. Тогда, когда основное мировое столкновение ведется между тоталитаризмом и демократией, между тиранией и свободой, то есть в условиях мировой гражданской войны, ведение политики такими способами, какими ее вел Меттерних, можно лишь сравнить с попыткой воевать против танковых колонн охотничьими ружьями.

Из этой доминирующей цели американской политики — поддержание статуса кво в мире — логически вытекает постоянная боязнь в политических кругах демократического мира нарушения стабильности, то есть “дестабилизации”, не только в демократических странах, но и в коммунистических. Но, как и в каждой гражданской войне, лишь дестабилизация противоположной стороны может означать стабилизацию в мировом масштабе. Остается только вопрос, — будет ли эта стабилизация демократической или тоталитарной. Положение усложняется тем, что обе стороны обладают атомным оружием, угрожающим уничтожить всю планету в случае возникновения мирового военного конфликта. Но этот же факт только придает решающее значение борьбе в сфере идеологической и духовной, и тут идея поддержки статуса кво, то есть сохранения существующего положения в мире, является полностью самоубийственной. Для народов в тоталитарных странах единственной идеей, которая может дать надежду и силу для сопротивления, является идея освобождения от однопартийной коммунистической тоталитарной монополии. То есть единственной движущей идеей, как это было в Венгрии, Чехословакии и Польше, является именно дестабилизация тоталитарного строя. То, чего так комично боятся западные политики. Только дестабилизация тюрьмы дает заключенным надежду на свободную жизнь. И так как ныне борьба идет именно в планетарном масштабе, за власть в едином мировом обществе, то победа в этом мировом конфликте может остаться за демократией, только если вместо цели сохранения статуса кво, постоянной и реальной целью демократического мира станет борьба за установление демократического, правового строя на всей планете. И так как речь в наше время идет о решающей борьбе именно в сфе-

ре идей, то создание идеологии демократического мира и общепланетарного миросоздания возможного свободного человечества является необходимой предпосылкой даже для целей сохранения демократического общества в США. Благодаря уменьшению и взаимозависимости мира в наше время **сохранить демократию на Западе можно будет, лишь распространив ее на весь мир.**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПРОТИВ СТАТУСА КВО

Вот это самое, кажется, понял президент Картер, начиная свою политическую деятельность после прихода в Белый Дом провозглашением борьбы за права человека во всем мире, основной целью его внешней политики. Несмотря на многочисленные неудачи, просчеты, промахи, нерешительность, непоследовательность и иногда катастрофическую наивность, все же думается, что в истории не только Америки, но и всего мира Картер останется, исключительно благодаря его попытке заменить основную цель американской внешней политики, повсеместное поддержание статуса кво, борьбой за права человека. Мне кажется, что до сих пор не осознано на Западе, насколько такая перемена являлась **революционной**. Благодаря тому, что большую часть мира занимают государства, в которых не только ежедневно нарушаются права человека, как в правых авторитарных диктатурах, но и полностью отсутствуют, как в левых тоталитарных обществах, — борьба за права человека сама собой выливается в борьбу против существующих порядков, то есть против статуса кво в мире. Одна цель исключает другую. **Или — поддержание статуса кво, или — борьба за права человека.**

Однако, если значение такой радикальной перемены в целях демократического мира на Западе не было понято и даже вызвало резкую критику, то в коммунистическом мире опасность новой политической линии для власти имущих и надежда, вызванная борьбой за права человека, у поработенных, — были самоочевидны. Почти что весь 1977 год, именно год, когда казалось, что политика, определяемая защитой прав человека во всем мире, станет в самом деле целью Соединенных Штатов, а не только лишь временным средством для осуществления других целей, — я провел в тюрьме. Помню, с каким восторгом все политические заключенные в тот год читали газеты и следили за выступлениями президента Картера. Также мне хорошо помнится мрачное настроение у служащих тюремной администрации и иронические, плохо скрывающие злобу замечания коммунистической прессы. Казалось, что в первый раз в истории демократический мир, наконец, нашел идейное и духовное оружие против тоталитаризма. В течение нескольких месяцев демократический мир, а особенно

*Мы не считаем Киссинджера ни талантливым, ни честным дипломатом, на что имеем основания. — Прим. ред.

Соединенные Штаты Америки, приобрел симпатии миллионов и миллионов людей во всех несвободных странах. В то время, как политика статуса кво не могла привлечь на сторону демократического мира ни одного жителя недемократических стран, так как преследовала цели поддержания несвободы в уже несвободных странах, — новая политика Картера давала надежду на возможность освобождения и создания мирового общества, в котором уважали бы права человека. А что может быть важнее для каждого отдельного человека, чем то, что в наше время названо правами человека и что в пределе ведет к ликвидации всякого рабского строя?

Картер не только говорил речи, он переписывался с академиком Сахаровым, встретился с Буковским, настоял на условиях о соблюдении прав человека при оказании экономической и военной поддержки правым, авторитарным странам Южной Америки, "союзникам" Соединенных Штатов. Но вот подошло время решительной проверки серьезности намерений Соединенных Штатов — политику статуса кво заменить борьбой за права человека. Это было на Белградской конференции, продолжении конференции по европейской безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. Спор шел о том, чтобы в заключительное коммюнике Белградской конференции были внесены комментарии о состоянии прав человека в странах, подписавших соглашение в Хельсинки, соглашение, содержащее один раздел, посвященный положению прав человека в европейских странах. Так как самоочевидно было, что, несмотря на подпись Советского Союза и его сателлитов, по соглашению в Хельсинки в коммунистических странах права человека отнюдь не соблюдались, то демократический мир требовал констатирования этого факта в Коммюнике Белградской конференции. Против этого, конечно, выступили Советский Союз и его союзники, и вот тогда Америка отступила, очевидно, боясь открытого аннулирования соглашения в Хельсинки, — соглашения, которое юридически подтвердило разделение Европы на два блока, в чем более всего был заинтересован именно Советский Союз. Западный мир отступил, и ни одно слово о правах человека в Белграде в Коммюнике не было внесено. И сразу сказались последствия. В течение 1978 года десятки правозащитников и основателей Комитетов по надзору за выполнением хельсинкского соглашения были судимы и приговорены к огромным тюремным срокам. В отличие от западных политических деятелей советские вожди прекрасно поняли, что для всех тоталитарных обществ борьба за права человека является более опасным оружием, чем самая совершенная атомная бомба. Вот поэтому они сразу попытались выбить из рук демократического мира это страшнейшее для них оружие и пока-

зать, что борьба за права человека, начатая президентом Картером, бесперспективна, нарушает все двухсторонние договоры между США и СССР и так далее.

Единственным конкретным успехом картеровской политики борьбы за права человека оказалось мое преждевременное освобождение из тюрьмы вместе с группкой самых известных на Западе югославских политических заключенных. Это освобождение произошло в ноябре 1977 года во время самой Белградской конференции под широким давлением западноевропейской общественности и прессы.

Одновременно в Америке усилилась критика борьбы за права человека, проводимой президентом Картером, с точки зрения всех тех, кто придерживался традиционной американской политики поддержания статуса кво в мире. Якобы защита прав человека в южноамериканских странах приводила к потере "союзников", авторитарных диктатур. Забывается при этом, что если союзниками демократии перестали быть диктаторские клики, то, с другой стороны, демократия приобрела в миллионы раз больше друзей среди населения авторитарных стран.

Критиковали политику защиты прав человека и с другой точки зрения, по существу являющейся глубоко расистской. Высказывались такие мнения, что якобы Америка и демократический мир не имеют права навязывать другим народам свои представления о демократии и правах человека. Странно то, что не всем самоочевидна демагогичность таких критиков. Дело в том, что именно права человека дают возможность каждому народу жить по собственному желанию, а каждый однопартийный строй своим существованием показывает, что подавляющее большинство народа не согласилось бы добровольно на образ жизни, в котором ему приходится жить. Если бы большинство людей в самом деле добровольно соглашались на тот "образ жизни", в котором они живут, то никакой причины не было бы у монополярной партии или диктаторской клики жестоко, в зародыше расправляться со всяким инакомыслием, то есть не допускать именно свободного высказывания людей о том, согласны ли они с положением в их стране или нет.

Очень широко распространено в Америке убеждение о том, что для демократического строя необходима долгая, иногда вековая, традиция и что поэтому борьба за права человека не имеет шансов на успех во многих культурно отсталых странах, — но при этом забывается, что некоторые народы, имеющие за собой традицию жизни в правовом, демократическом строе (как, например, Чехословакия) полностью подпали под тоталитарное бесправие, в то время как Япония и Западная Германия после второй мировой войны стали образцо-

выми демократическими странами без всякой на то традиции. Поэтому провозглашение того, что демократия якобы исключительно западная ценность и что другие народы ее просто не хотят, — является полной бессмыслицей. Даже в Китае, с его двухтысячелетней традицией авторитарности, тысячи диссидентов, появившихся на глаза общественности после смерти Мао, выступили с чисто демократическими требованиями, то есть активно вступили именно в борьбу за права человека. Однако, так как Китай и после критики "культурной революции" со стороны наследников Мао остается типичным тоталитарным обществом, — произошло то, чего можно было и ожидать: диссидентов начали сажать в тюрьмы, а известнейший китайский диссидент Вей-Цин-Шень получил "нормальный" для коммунистических стран срок в 15 лет за свои критические высказывания.

Несчастье состоит не в том, что Запад пытался кому-то силой навязывать демократию, а в том, что он десятилетиями поддерживал по близоруким, прагматическим причинам всевозможные недемократические режимы вне Европы. Не говоря уже о колониальных империях, навязывавших своим колониям по всему миру отнюдь не демократические принципы. Достаточно вспомнить о том, как англичане в XIX столетии в Индии покалечили сотни тысяч индийских ткачей, обрезая им большой палец на руке для того, чтобы их дешевая рабочая сила не могла составить серьезной конкуренции текстильной промышленности самой Англии (что не преминул записать Маркс в своем "Капитале").

Если влечение к свободе, а демократия является лишь правовым выражением этого влечения, не присуще онтологически каждому человеку, то тогда дело демократии, не только в мировом масштабе, но и в западных странах, уже практически кончено. К счастью, это не так, и лучшим доказательством служит появление в середине 60-х годов диссидентского движения во всех коммунистических странах. Несмотря на то, что мировая пресса так часто

писала о диссидентах, тем не менее все еще значение исторического факта самого появления такого движения, особенно в СССР, с уже полувековой тоталитарной традицией, и перемены в общественном сознании, вызванные этим фактом, все еще недостаточно осмыслены.

Несмотря на сравнительную немногочисленность участников диссидентского движения, их деятельность вызвала далеко идущие последствия в том, пока что еще мало заметном и трудно наблюдаемом слое общественного сознания, особенно у молодых поколений, для которого, теперь уже навсегда, генсеки коммунистических партий и на Западе, и на Востоке потеряли когда-то яркий ореол героев и дерзких революционеров. Мало заметное изменение в общественном сознании вызвало уже к жизни явление волны "новых философов" во Франции, и в наши дни уже можно достоверно сказать, что самые умные, самые волевые, самые талантливые молодые люди в Европе больше не являются коммунистами или им сочувствующими. До 1968 года, особенно во Франции, положение было полностью противоположным. Так, парадоксально, можно сказать, что диссиденты спасают демократический мир, а не наоборот.

В свете сказанного совершенно уже бессмысленно и дико звучит утверждение, которое нередко можно найти на страницах американской прессы, что русские глубоко отличаются от американцев тем, что они, якобы, любят рабство и хотят его. Надо думать, что непонимание нынешней мировой политической обстановки, особенно у влиятельных политиков в США, тоже является лишь результатом обращенности сознания к внешнему, физически наблюдаемому миру и поэтому некоторой слепоты к миру внутреннему, к духовным глубинам личности, в которой именно и ведется борьба между тиранией и свободой. В этой борьбе никакого значения не имеет национальная, расовая или географическая принадлежность, а именно эти отличия между людьми так часто кажутся решающими в глазах американских деятелей.

ально) сравнить это положение с 30-летней войной, которая началась еще как религиозная война между католиками и протестантами, но в ходе которой выяснилось, что ее настоящая подкладка национальная: кардинал Ришелье помогал "великому еретику" шведскому королю Густаву Адольфу против католической Габсбургской империи. В эту войну началось становление национальных интересов и превалирование их над религиозными убеждениями, чтобы затем во французской революции 1789 г. выделить и укрепить национализм как идеологию. Первая же мировая война, начавшись как национальная и имперская, в ходе своем привела к первой победе самой сильной и до сего дня все распространяющейся коммуни-

Послесловие. Мы хотим сказать несколько слов по поводу глав из будущей книги М. Михайлова. Мы со многим согласны, кое с чем, однако, несогласны и хотели бы на это указать.

Прежде всего мы полностью согласны с тем, что сейчас ведется мировая гражданская война, а не борьба национальных государств между собою. Мы полностью согласны с тем, что эпоха так называемого нового времени с ее выкристаллизовавшейся системой национальных государств уходит, а на ее место вступает новейшая эпоха идеологических битв. Может быть, можно приблизительно (все исторические сравнения только приблизительны, так как каждое историческое явление индивиду-

тической тоталитарной идеологии. Слабые попытки западноевропейских держав оказать общее сопротивление новому идеологическому государству быстро уступили место дипломатической игре. Она продолжается и до сего дня и до сего дня не может приостановить дальнейшего распространения коммунизма.

Мне приходилось во многих статьях и докладах указывать на то, на что указывает М. Михайлов, именно, что советские войска не войдут ни в одну коммунистическую страну, пока там господствует нераздельно коммунизм, хотя бы внешняя политика этих стран не соответствовала желаниям СССР, по крайней мере, по всей видимости. Может быть, это, в самом деле, лишь видимость, и коммунистическая Румыния, не пропуская советских войск на маневры, пропустит их сразу же, если действительно начнется война. Открыл же Тито советским самолетам военный аэродром Дубровники в один короткий острый момент кризиса между СССР и США в ближневосточной войне.

После того, как советские войска вошли в Чехословакию в 1968 году, Вилли Брандт предсказал, что они войдут также в Румынию. Тогда была беседа за круглым столом на радиостанции "Свобода", в которой я принимала участие. Один из участников разговора напомнил о предсказании Брандта и спросил меня, что я об этом думаю. Я сказала, что советские войска в Румынию не войдут, т. к. Чаушеску — настоящий коммунистический диктатор, а внешняя политика не так важна.

На конгрессе "Свободная Россия" в феврале 1981 года в Вашингтоне я прочла доклад, установивший это правило: советская армия вступает в "братскую" социалистическую страну только в том случае, если там грозит свержение коммунистической диктатуры как таковой. Во всех остальных случаях дело ограничится перебранкой или, в худшем случае, легкой перестрелкой на границе. Я считаю также, что пока Китай остается коммунистическим, никакого серьезного столкновения между Китаем и СССР не будет. Если в Китае коммунизм будет преодолен, то трудно сказать, решится ли Советский Союз на интервенцию. Это будет зависеть от того, сколько сочувствующих останется еще внутри страны, по мнению советского руководства. Мой доклад был напечатан по-русски и по-английски в "Зарубежной Руси", перенявшей тогда все материалы конгресса.

Отметив наше согласие с основными положениями печатаемый глав, остановимся на тем местах, с которыми мы несогласны.

М. Михайлов пишет: "...даже в союзе не только с левыми, но и с правыми тоталитарными государствами". Где М. Михайлов нашел правые тоталитарные государства?! Нам известно, что широко распространена ложная и очень вредная терминология, относящая национал-социализм к "правым". Но социализм — это левое течение, так же и национализм как идеология родился в результате французской революции, как мы уже указывали выше. Национал-социализм вполне левое явле-

ние. Немецкий, теперь уже покойный, автор Эмиль Францель дал прекрасный анализ происхождения национал-социализма в книге под названием "Коричневые якобинцы". В мире еще не было правого тоталитаризма, да думаю, что по самому существу правых они не могут создать тоталитаризма. Тоталитаризм всегда выходит из абстрактных, отвлеченных от жизни идей и конструкций, под которые адепты этих идей и конструкций стараются подогнать живую жизнь, втиснуть ее в это прокрустово ложе. Военные или другие диктатуры, возникающие в той или иной стране и направленные нередко против коммунизма, авторитарны, но не тоталитарны. М. Михайлов сам провел в своем докладе в Мюнхене в конце февраля этого года ясное разграничение между тоталитаризмом и авторитарным строем. Используя терминологию Р. Редлиха, он назвал тоталитаризм "активной несвободой" и даже подчеркнул, что это много, много хуже, чем даже самая суровая военная диктатура. Зачем же теперь он не соблюдает точности терминологии и чистоты языка и пишет о каких-то правых тоталитаризмах, под которые подпадают иные страны? В наше время есть только один тоталитаризм, под который действительно подпадают все новые и новые страны, — это коммунистический тоталитаризм! И против него должны были бы бороться все другие системы. Мне часто казалось, что М. Михайлов употребляет гораздо больше энергии в борьбе против той или иной незначительной диктатуры, чем против мировой опасности коммунизма. Некоторые диссиденты, приехав на Запад еще в то время, когда в Иране управлял шах, заявляли, что борьба против шаха для них так же важна, как и борьба против коммунистов. В то самое время у меня в семинарах были студенты из Ирана, большей частью уже не самые молоденькие, которые рассказывали мне, что были сначала беженцами и эмигрантами, противниками шаха, но постепенно поняли, что шах модернизирует страну постепенно и что одним махом этого сделать нельзя. Из врагов шаха они стали его сторонниками, восстановили свои права на родине — никому из них не были поставлены в вину их заблуждения зеленой молодежи, — теперь только хотели окончить университет в Германии и вернуться на родину. Однако вернуться на родину им не пришлось: шах был "благополучно" свергнут и наступила дикая диктатура Хомейни...

В "Новом Русском Слове" в №№ от 24 апреля до 27 апреля сего года напечатана очень умная статья Жан-Франсуа Ревеля "Может ли выжить демократия?" Указывая на то, что Иран при шахе был союзником Запада, Ревель пишет: "И хотя кровавый режим аятоллы может иметь в какой-то степени антикоммунистическую направленность (по чисто религиозным причинам), в Кремле хорошо знают, что в конечном итоге, когда эта страна будет в достаточной степени деморализована и ослаблена, Иран вполне может оказаться в советском лагере, — но маловероятно, чтобы он когда-либо вернулся в состав свободного мира.

Хранители абсолютной незапятнанности демо-

кратических риз — каковой в живой жизни вообще не может быть — с ужасом отшатываются от любой не отвечающей стопроцентно правилам демократической игры системы правления. Они не видят существенной разницы между отдельным ущемлением тех или иных прав населения и тоталитарным коммунизмом. И вот как раз об этой коренной разнице очень хорошо написал Ревель: "Взглянем правде в глаза: истинный водораздел лежит не между автократией и демократией, не между коммунизмом и капитализмом, а между коммунизмом и всем остальным. Коммунизм — это омертвление экономики, сопутствующий ему тоталитаризм — это омертвление политической жизни, мысли, всего гражданского организма. Как мертвое общество тоталитаризм можно противопоставить бесчисленным формам общественного устройства — как современным, так и давно минувшим. Многие из них нельзя назвать демократическими. Европа в эпоху средневековья, Китай под властью династии Мин, африканские, полинезийские и американские общества до их контактов с европейцами, Франция во времена Людовика XIV и Наполеона III, Англия времен Елизаветы, Испания в царствование Филиппа IV, Индия под властью династии Гупта и Германия времен Канта — все эти общества не были демократическими. И вместе с тем все они были живыми организмами в отличие от тоталитарного коммунистического общества. Тоталитаризм коммунистического толка угрожает не только демократии, а всей жизни как таковой".

Как был бы рад покойный Иосиф Антонович Мацкевич, если б он прочел это! Он всегда утверждал, что самой большой, единственной катастрофой, смертью для всего человечества была бы мировая победа коммунизма.

Поэтому мы не совсем согласны со словами М. Михайлова, что сейчас в мире противостоят две силы, тоталитаризм и демократия. Мы считаем, что противостоят друг другу коммунизм и жизнь как таковая. Любые живые, хотя и несовершенные системы, — демократия тоже ведь несовершенная система — противостоят коммунизму, понимают их политики это или нет. Высокомерно отказываться от помощи стран, в которых нет образцовой демократии,

может лишь повредить демократическим странам. Требовать же введения образцовой демократии в странах, которые к этому еще не готовы, может означать, что как раз эти страны будут втолкнуты в коммунистический лагерь.

Мы совершенно согласны с М. Михайловым, что единственной возможностью сохранения свободного мира является дестабилизация мира коммунистического. Попытки сохранить статус кво вели до сих пор и будут дальше вести лишь к дальнейшему распространению коммунизма. Стагнация в жизни не бывает: или свобода будет завоевывать новые пространства, или же коммунизм. М. Михайлов прав, что это особенно ясно видно на примере Вьетнама: американские правительства не хотели продвинуть свободу на территорию Северного Вьетнама, хотели лишь сохранить Южный Вьетнам и неизбежно потеряли его.

Однако мысль о возможной дестабилизации коммунистического блока необыкновенно пугает западных бюргеров. Недавно молодой германский журналист написал в малораспространенной и малочитаемой газете "Силезский Вестник" о том, что лишь дестабилизация коммунистического блока сможет принести свободу немцам Восточной Германии, полякам и другим народам Восточной Европы. Какой шум поднялся в западногерманских радио и телевидении! Больше того, молодой журналист, который был членом Христианско-демократического союза, был немедленно исключен из этой партии.

Что касается президента Картера и его "борьбы" за права человека, нам трудно возражать человеку, который испытывал в связи с этим подъем надежд, в то время, когда он находился в тюрьме, и который в результате действий Картера получил свободу. Воздавая должное этому положительному результату, мы тем не менее не видим в действиях президента Картера, вместе взятых, много положительного. Его действия были направлены в первую очередь против тех правительств, свалить которые было легко. Мы уже указывали на свержение персидского шаха и пагубные последствия этого свержения. Общий итог непоследовательной попытки Картера дал негативные результаты в деле борьбы против коммунизма.

А. ОПУЛЬСКИЙ

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО И АГИОГРАФИЯ

Заглавие этой статьи может вызвать у иного читателя немалое удивление: возможно ли сопоставлять творчество Достоевского с агиографической литературой, если у писателя нет произведений, которые в полном своем объеме являлись бы переводом, пересказом или переработкой какого-нибудь жития.

Между тем можно без колебаний утверждать, что нет другого русского писателя, кото-

рому агиографические темы были бы так близки, как Достоевскому. Близки ему они были и в житейском, и в творческом плане, причем исходным надо считать духовные искания Достоевского-человека, ибо собственные, личные переживания и размышления он вводил в свои художественные произведения, заставляя вымышленных персонажей решать реальные жизненные проблемы.

С юных лет Достоевский мучился поисками пути, которым человек может выйти к высшим, надличностным ценностям, обрести истинную веру, а с нею и цельность бытия. У Достоевского-писателя поиски этого пути слились с поисками идеального героя. Долгие поиски привели его к пути, по которому шли наши святые отцы, монахи и отшельники.

Достоевский с величайшим интересом относился к жизни этих людей, которых он называл "земными ангелами" и "небесными мужами". В житиях святых Достоевский находил подтверждение правильности своих представлений об исконных свойствах русского национального характера, нравственных идеалах русского народа, его понимания добра и зла.

Достоевский ценил в героях житий любовь к Богу, смирение, кротость, трудолюбие и любовь к родине. Как писатель, которого интересовали люди, преодолевавшие в себе зло и приходившие, пусть после многих драматических коллизий, к добру, он высоко ценил жития, где повествовалось о тех, кто "делает" себя святым всюю своею жизнью. К тому же для него, посвятившего себя созданию произведений о духовном развитии необычных характеров, изучение житий было и своеобразной школой мастерства: ведь в житиях все сосредоточено на действиях и мыслях интересных людей.

Немаловажным обстоятельством для уважительного восприятия Достоевским житий была их популярность в народе.

"Рассказы про божественное очень любит русский народ, — писал в 1877 г. Достоевский в "Дневнике писателя". — Мужики и дети их, в городах мещане, купцы этими рассказами заслушиваются с умилением и воздыханиями.

По всей земле русской чрезвычайно распространено знание "Четырех Миней"... Есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказниц о житиях святых. Рассказывают они из "Четырех Миней" прекрасно"¹.

Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, свидетельствует, что жития святых были настольной книгой Достоевского и что он очень хорошо знал и их типологию, и их конкретные тексты. В последнем мы убеждаемся, когда, читая произведения Достоевского, то и дело обнаруживаем агиографические реминисценции. В том или ином виде эти реминисценции есть во всех его романах — в "Преступлении и наказании", "Идиоте", "Житии великого грешника", "Бесах", "Подростке", "Братьях Карамазовых". Есть они и в мелких произведениях писателя.

Впрочем, прежде чем рассматривать агиографические реминисценции, введенные Достоевским в тексты своих произведений (чаще всего в сюжет, но иной раз и как отступление от сюжета), обратим внимание на одну запись Достоевского, которая находится между черновиками романа "Идиот", однако не имеет к нему никакого отношения и сделана, по всей вероятности, механически, в минуту творческого раздумья писателя.

Текст ее следующий: "Смиранный игумен Зосима, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст"¹. (Я выписал только часть записи — ту, которая интересна для нашей темы, поскольку здесь упоминаются имена христианских святых.)

Первым в этой записи названо имя Зосимы. Комментатор романа "Идиот" Н. Соломина расшифровывает это имя как имя жившего во второй половине XV в. игумена Соловецкого монастыря². Думается, что домысел этот — произвольный. Более вероятно, что Достоевский имел в виду подвизавшегося в одном из палестинских монастырей в V веке старца Зосиму, известного по "Житию Марии Египетской". Более вероятно это предположение прежде всего потому, что Зосима Палестинский и по времени, когда он жил, и по своей биографии ближе, чем Зосима Соловецкий, к остальным святым, упомянутым Достоевским в разбираемой записи — к Василию Великому (329—379), Григорию Богослову (329—389) и Иоанну Златоусту (344—407). Кроме того, Зосима Палестинский действует в житии, которое было одним из самых любимых Достоевским и потому всегда находившихся, так сказать, на поверхности памяти писателя.

"Житие Марии Египетской" Достоевский вспоминает и в молодости, и на склоне лет, например, в рассказе "Ползунков" (1847 г.), в повести "Село Степанчиково и его обитатели" (1859 г.), в наброске "Мысль на лету" (1870 г.), в письме к Ю. Абазе (1880 г.)...

Если оставить в стороне простые упоминания "Жития Марии Египетской", то первое творческое обращение к нему комментаторы академического "Собрания сочинений" Достоевского видят в романе "Преступление и наказание". Имеются в виду следующие слова Свиригайлова, обращенные к Раскольникову по поводу его сестры Дуни:

"Мне всегда казалось, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскален-

¹ Ф. Достоевский, Полное собрание сочинений в 30 томах, изд. "Наука", Ленинград, 1972—1985 гг., том IX, стр. 249. В дальнейшем все специально не оговоренные ссылки на тексты Достоевского даются по этому изданию.

¹ Ф. Достоевский, том IX, стр. 249.

² Ф. Достоевский, том IX, стр. 466.

ными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями¹.

Комментируя это место в издании Академии наук, Г. Коган, по-видимому, не имея никаких соображений по поводу первой половины фразы, слова о "святой II—III веков" вообще оставляет без внимания; по поводу же "святой IV—V веков" пишет следующее:

"Здесь имеется в виду подвиг Марии Египетской, христианской святой, прожившей 47 лет в пустыне Иорданской, победившей кровь свою и род свой страданием неслыханным"².

Сравним то, что предлагает нам комментатор, с тем, что написано в "Житии Марии Египетской".

В нем рассказывается, что Мария родилась в Египте, а в двенадцать лет ушла от родителей в город Александрию, где в течение 17-и лет предавалась бездумной порочной жизни. 29-и лет от роду по авантюристическому складу своего характера она отправилась, пристав к толпе паломников, в Иерусалим. Здесь, когда она хотела вместе со всеми войти в храм, какая-то сила вытолкнула ее наружу. После трехкратных неудачных попыток Мария поняла, что причина — в ее греховности и, прося заступничества Божией Матери, обещала начать новую жизнь.

После молитвы в храме она удалилась в Иорданскую пустыню, где через 47 лет ее обнаружил посланный Богом монах одного из палестинских монастырей старец Зосима, который причастил ее. Получив святое причастие, она спокойно скончалась (в 521 г.).

Как видим, в комментарии к "Преступлению и наказанию" содержание жития (вернее, его части) пересказано правильно. Однако какое отношение все это имеет к святой, о которой идет речь в романе? Ведь св. Мария спаслась в Иорданской пустыне, а не в Египетской, и 47 лет, а не 30 (да к тому же на целый век позднее!..).

Конечно, уверенный в собственном знании агиографических текстов, Достоевский цитировал жития в своих произведениях обычно по памяти, а потому иной раз и с ошибками, но путаницы, подобной той, какую приписывает ему комментатор (сам ее создав), у него нет никогда³.

Но оставим в покое комментаторов и попробуем решить сами, с кем же все-таки сравнивает Достоевский в своем романе Дуню Раскольникову, кого именно из святых подвижниц он имеет в виду? Думаю, что конкретно — никого. Просто он излагает типичные особенности христианских мучениц, подвизавшихся в первые века после Рождества их Учителя.

Если фразу Достоевского понимать именно так (а это бесспорно единственно правильное понимание), то точность реалий в ней уже не будет иметь значения и сказанное в ней сможет быть отнесено к любой из первых христианских мучениц, независимо от того, в какой пустыне и в течение какого времени она спасалась, — и к св. Феодоре, и к св. Христине, и к св. Варваре, и, конечно, к св. Марии Египетской.

Почему я особо выделил имя св. Марии? Не только потому, что оно названо в комментарии к VI тому "Собраний сочинений" Достоевского, но и потому, что "Житие Марии Египетской", как я уже об этом упоминал, было одним из любимых житий Достоевского.

Именно "Житием Марии Египетской" восхищается Аркадий (в "Подростке"), когда он впервые слышит это повествование от Макара Ивановича Долгорукого⁴.

"Я вспомнил один длинный рассказ — "Житие Марии Египетской". О "житии" этом, да почти и о всех подобных, я не имел до того времени никакого понятия. Я прямо говорю: это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, как та раскаленная песчаная степь со львами, в которой скиталась святая"⁵.

Именно "Житие Марии Египетской" (наряду с другим очень ценным Достоевским житием — Алексея Человека Божия) советует читать в "Четых Минеях" монахам своего монастыря старец Зосима ("Братья Карамазовы")⁶.

Я упомянул сейчас имя старца Зосимы. Редкое имя, не правда ли? Не перенес ли Достоевский это имя в свой роман из "Жития Марии Египетской", где старец Зосима играет важную роль? Едва ли это случайное совпадение имен... Так же, как неслучайно назвал он младшего из Карамазовых Алешей — именем Алексея Человека Божия⁷. В романе даже есть место,

¹ Пожалуй, это и есть хронологически первое творческое обращение Достоевского к "Житию Марии Египетской".

² Ф. Достоевский, том XII, стр. 309.

³ Ф. Достоевский, том XIV, стр. 267.

⁴ Алексеем назвал Достоевский и своего сына. А. Г. Достоевская пишет: "Имя св. Алексея Человека Божия было особенно почитаемо Федором Михайловичем, отчего и было дано новорожденному, хотя этого имени не было в нашем родстве". — А. Достоевская, Воспоминания, Москва, 1971, "Художественная литература", стр. 283.

¹ Ф. Достоевский, том VI, стр. 365.

² Ф. Достоевский, том VII, стр. 396.

³ К слову: в заключительной фразе цитированного примечания содержится еще одна путаница — утверждение, что в романе "Подросток" (указывается даже точно, где именно — ч. III, гл. 3, разд. II) говорится о жажде Марии Египетской "за кого-нибудь муку принять". Между тем в указанном месте ничего подобного нет.

где Алеша Карамазов сопоставляется с Алексеем Человеком Божиим: Ракитин иронически говорит Алеше: "Это тебя твоим старцем давеча зарядили и теперь ты своим старцем в меня и выпалил, Алешенька Божий Человечек"¹.

Кстати сказать: цитированный выше рассказ о восхищении Аркадия "Житием Марии Египетской" Достоевский первоначально предполагал связать с другим житием, а именно с "Житием Алексея Человека Божия". В одной из рукописей "Подростка" находим следующий текст: "Подросток поражается легендой Алексея Человека Божия, которой он никогда не слышал еще"².

Высокую, хотя и лаконичную оценку св. Алексея Достоевский вкладывает в уста старца Зосимы (во время его беседы с женщиной, у которой умер сын — "Братья Карамазовы"):

— Младенчика твоего как звали-то?

— Алексеем, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексея Человека Божия?

— Божия, батюшка, Божия, Алексея Человека Божия!

— Святой-то какой!.."³.

Чем же снискал св. Алексей великое почитание и любовь народа? Мы уже знаем содержание "Жития Марии Египетской", ознакомимся же с "Житием Алексея Человека Божия".

Родился он в богатой и благочестивой семье римского сенатора Евфимиана около 360 г. и благодаря неистощимой любви к учению, которая поощрялась родителями, получил прекрасное образование. Когда пришел срок, Алексея женили на девице царского рода, но сразу же после свадьбы, повинувшись гласу с неба (который, кстати сказать, и назвал его впервые Алексеем Человеком Божиим), он бежал в город Эдес, в Месопотамии, где раздал нищим все, что имел, и стал жить подаванием на паперти церкви Богородицы, во всем угождая Богу.

Через 17 лет такой жизни слава его распространилась по всему городу, и он решил от нее бежать. Однако корабль, на котором он плыл в город Тарс, "волею Божией" прибыл в Рим. Узнав он не был никем и потому смог выдать себя за странника из дальних краев. Поселившись в хижине у ворот дома своих родителей, которые вместе с его женой неутешно скорбели о его исчезновении, он прожил здесь 17 лет, безропотно снося постоянные издевательства невзлюбивших его слуг, которые били его, таскали за волосы, выливали на его голову помои и т. д.

В 411 г. он умер, зажав в руке письмо, в котором открылся и рассказал о своей жизни после ухода из дома. На его похороны стек-

лись огромные толпы народа, причем глухие, слепые, прокаженные и одержимые бесом чудесно исцелялись.

Любопытно отметить, что два особенно любимые Достоевским жития являются наиболее ярко выраженными образцами обоих типов агиографического жанра: "Житие Марии Египетской" рассказывает о перерождении грешника в праведника под влиянием Божественного указания, а в "Житии Алексея Человека Божия" герой предназначен святости с детства.

Именно это максимальное выражение особенностей жанра, как и выдающийся лиризм обоих житий (может быть, даже и не осознанные Достоевским) привлекли к себе писателя. Основная особенность "Жития Марии Египетской", проявившаяся и в характере героини, и в сюжете произведения, — перелом в мировоззрении человека в его движении от зла к добру — была излюбленной идеей Достоевского¹.

А в св. Алексее Достоевский ценил народность, что он и отметил в 1880 г. в записной книжке: "Алексей Человек Божий — идеал народа"². Несколько раньше Достоевский, рассуждая о народных идеалах, записывает: "Алексей Божий Человек. Пострадать. Жажда подвига, что деньги, лучше духовный подвиг. Спрашивают, где христианство, вот оно тут"³.

Заканчивая наш разговор о "Житии Алексея Человека Божия", хочу привести его оценку, сделанную крупнейшим современным специалистом по древнерусской и, в частности, агиографической литературе В. П. Андриановой-Перетц:

"Без преувеличения можно сказать, что ни один из подвижников русской земли не вызвал к себе такого интереса, не пробудил такого сочувствия своей жизни, как Алексей Человек Божий. Это житие вобрало в себя многие мотивы русской агиографии... Талантливо скомбинированные в одном художественном рассказе, они ассоциировались в сознании русского читателя с целым рядом привычных образов и представлений и тем способствовали популярности и прочности запоминания этого жития, которое и на русской почве дало толчок к дальнейшим обработкам как в литературе, так и в народной поэзии"⁴.

Третьим житием, которое очень нравилось Достоевскому, было "Житие Иоанна Милостивого".

¹ В этом Достоевский повторяет Иоанна Златоуста, который писал: "В одну минуту можно переменить всю свою жизнь". — Творения св. Иоанна Златоуста, том VIII, кн. I, стр. 9.

² Ф. Достоевский, том XV, стр. 476.

³ Ф. Достоевский, там же.

⁴ В. Андрианова-Перетц "Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности", Петроград, 1917, стр. 127, 144.

¹ Ф. Достоевский, том XIV, стр. 321.

² Ф. Достоевский, том XVI, стр. 232.

³ Ф. Достоевский, том XIV, стр. 46—47.

Иоанн родился в г. Амафунта на Кипре во второй половине VI в., в семье кипрского князя Епифания. Жизнь его была праведной в такой мере, и он был столь "милостивым" ко всем бедным, что снискал всеобщую любовь и популярность. А уж когда он потерял жену и детей, то совершенно перестал о себе думать и весь отдался благотворительным делам.

Житие его свидетельствует о том, что он "насыщал алчущих, одевал нищих, выкупал пленников и имел попечение о странниках и больных. Щедрость его была подобна реке, непрестанно и изобильно текущей и напоющей всех жаждущих"¹.

Свою добродетельную жизнь Иоанн вел в миру, но слава его была так велика, что по просьбе жителей города Александрии византийский император Ираклий (575—641) поставил его Александрийским патриархом.

В Александрии он жил до персидского вторжения в Египет (происшедшего в 618 г.), после которого отправился за военной помощью в Константинополь. Однако ему не удалось выполнить свое намерение: глас с неба призвал его, и он, решив умереть там, где родился, сошел с корабля на Кипре. Здесь, в своем родном городе, он в 620 г. и скончался.

Достоевский дважды вспоминает эпизоды из "Жития Иоанна Милостивого", и оба раза — в "Братьях Карамазовых".

В главе "Бунт", когда Иван Карамазов признается Алеше в непонимании смысла евангельской заповеди "возлюби ближнего своего", он рассказывает:

"Я читал вот как-то и где-то про "Иоанна Милостивого" (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его"².

Эпизод, рассказанный Иваном, Достоевский мог вычитать в "Четых Минеях" за 12 ноября, однако некоторые детали повествования Ивана (святой кормит и поит прокаженного, согревает его своим телом — рот ко рту и т. д.) взяты, как установил Л. Гроссман, из заключительных страниц "Легенды о Юлиане Милостивом" Флобера, которая как раз в период работы Достоевского над "Братьями Карамазовыми" была опубликована на русском языке в переводе Тургенева³.

Другой эпизод из "Жития Иоанна Милости-

вого" приводится (без упоминания имени святого) в "Братьях Карамазовых" как пример нерасторжимой связи между старцами и их послушниками.

"Рассказывают, — пишет Достоевский, — что однажды, в древнейшие времена христианства один послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него его старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился, наконец, терпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя его как святого, то вдруг при возгласе диакона: "Оглашенные, изыдите!" — гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его от послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его"¹.

Цитированный эпизод является пересказом проложного чтения на 15 октября, откуда он, по-видимому, и был почерпнут писателем.

В произведениях Достоевского упоминаются эпизоды и из других житий; особенно их много в романе "Братья Карамазовы".

Например, во время беседы в келье старца Зосимы Федор Павлович рассказывает о том, как некий святой нес свою отрубленную голову и целовал ее (том XIV, стр. 42). Хотя старец Зосима и отец Иосиф отрицают существование такой легенды, ее нетрудно обнаружить среди житий, хотя и в измененном виде. Речь идет о "Житии святого Дионисия Ареопагитского (Парижского)". В нем описывается, как Бог совершил чудо: убитый поднялся, пошел к церкви, неся в руках свою голову, передал ее женщине по имени Катулла, после чего упал на землю, а она поцеловала голову. Эта же легенда есть в "Житии Меркурия Смоленского" и в житии сербского святого Лазаря.

В "Братьях Карамазовых" мы можем прочитать также рассказ старца Зосимы о том, как "великий святой" бесстрашно дал хлеб пришедшему к нему в лесной скит медведю (том XIV, стр. 268). Рассказ этот восходит к "Житию Сергия Радонежского"².

(Окончание следует)

¹ "Четы Минеи" Дмитрия Ростовского, чтение на 12 ноября.

² Ф. Достоевский, том XIV, стр. 215.

³ "Католическая легенда о Юлиане Милостивом" — "Вестник Европы", 1877, № 4.

¹ Ф. Достоевский, том XIV, стр. 27.

² Подробно об этом см. у Р. Плетнева — "Jahrbuecher fuer Kultur und Geschichte der Slaven", Band IX, Breslau, 1933.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ЦЕРКОВЬ И ВОЙНА

Отношение Православной Церкви к войне является вопросом еще далеко полностью не разработанным в нашей богословской литературе*. Но если для богословски подготовленного читателя отдельные аспекты затронутой темы достаточно ясны, то для недостаточно подготовленных в данной области людей дело обстоит несколько иначе. Для них затрагиваемый вопрос является далеко неясным, приводящим к ряду недоразумений и заблуждений.

Прежде всего следует отметить, что насильственное лишение человека жизни, убийство (даже законное) рассматривается Церковью как величайший грех. Правда, убийство или насилие, совершаемое человеком в целях самозащиты или защиты своих близких, рассматривается уже несколько иначе, но, тем не менее, подобные конфликты в целом являются величайшим злом.

Поэтому совершенно ясно, что война как средство решения социально-политических, экономических и идеологических проблем силой оружия, как социальный конфликт, связанный с массовым истреблением, искалечиванием и обездоливанием людей, с уничтожением религиозных и культурных ценностей, с неизбежным разорением цивилизации и т. п. — конфликт, приводящий к широкому проявлению зла, — может в целом рассматриваться Православной Церковью как глубоко отрицательное явление.

Война является величайшим злом, которого надо стремиться избегать всеми доступными мерами, с которым Церковь боролась, борется и всегда будет бороться. Но это положение, абстрагированное от конкретной исторической обстановки, носит весьма общий характер и, по существу, еще крайне недостаточно.

Борясь всеми доступными средствами против войны, проповедуя божественное учение Господа нашего Иисуса Христа, умиротворяя

им мир, Православная Церковь, вместе с тем, часто не в силах предотвратить те локальные или мировые военные конфликты, которые систематически возникают на протяжении всей истории человечества. Это обстоятельство, совершенно естественно, приводит к тому, что в каждой войне принимает участие более или менее значительное количество людей, а в том числе и лица, являющиеся верными чадами Православной Церкви.

И вот здесь часто задается следующий вопрос: почему в отношении этих войн, возникших и возникающих независимо от отношения к ним Церкви, последняя не ведет той борьбы, которую осуществляют некоторые иные исповедания и религиозные секты, запрещающая своим членам братья за оружие (при любой обстановке), и которая получила даже частичное признание со стороны правительств некоторых стран.

На этот вопрос можно ответить только следующее. Православная Церковь не делает этого потому, что точка зрения Церкви на участие в войнах ее сынов, выражая евангельскую истину, глубоко православна, принципиальна, исторически оправдана и не может быть ни в какой степени сравниваема с весьма недалекой, правда, прямолинейной, но примитивной, а поэтому ошибочной точкой зрения этих пацифистских религиозных организаций.

Православная Церковь не является сторонницей войны. Но если война возникла независимо от нее, то Церковь становится на несколько иную точку зрения, чем просто отказ взять оружие в руки или осуществить соответствующие демонстративные протесты, сопровождающиеся всякого рода общественными актами.

Нужно при этом иметь в виду, что весьма распространенная среди широких кругов точка зрения, сводящаяся к тому, что если бы Православная Церковь и все Церкви мира выступали против войны, то войн не было бы, несмотря на кажущуюся простоту и радикализм, по существу крайне наивна, нежизненна и неверна. Осуществление этого принципа привело бы не к исчезновению войны, а к внутригосударственным настроениям, к ослаблению и даже к полному уничтожению церковно-государственных связей, что весьма тяжело отразилось бы на жизни верующего народа. Это не спасло бы человечество от войн, но привело бы к поглощению христианских государств нехристианскими или атеистическими, к осуществлению захватнических планов тех государств, в которых Церковь, по тем или иным причинам, потеряла свое значение.

* Настолько не разработан, что в 1946 г., когда я набросал первый крайне сжатый вариант этой статьи и передал его редакции "Посева" для опубликования, то редакция не решилась этого сделать и послала статью на отзыв митрополиту Анастасию. Митрополит благословил ее печатать без изменений. В начале семидесятых годов, когда существовали возможности пересылки зарубежных печатных изданий в СССР, этот вопрос был поднят в письмах, поступавших из России. В связи с этим был написан второй расширенный вариант статьи и опубликован в издании, предназначенном для посылки в Советский Союз. Сейчас, в связи с весьма неприятными проблемами ядерной войны, мы даем несколько новый вариант, излагаемый с учетом существующей в мире военно-политической обстановки.

Современная действительность дает нам и соответствующий пример. Едва ли найдется хорошо знающий современный коммунизм человек, который рискнет утверждать, что коммунистическую мировую агрессию можно остановить чем-нибудь, кроме силы. Люди, утверждающие противное, явно находятся в заблуждении или по недостаточному пониманию сущности, целей и задач современного коммунизма, по недостаточному знакомству с его историей и практикой, или по каким-либо иным причинам.

Православная Церковь не может также признать верной толстовскую точку зрения о непротивлении злу и признает в ряде случаев **правильным оказывать злу активное сопротивление.**

Для того, чтобы внести ясность в данный вопрос, рассмотрим как относится Церковь к участию в войне **отдельных своих сынов.**

1) Прежде всего, нельзя забывать, что православный, верующий человек является не только членом Церкви, но и гражданином (подданным) какого-либо государства, т.е. он имеет определенные гражданские обязанности. Стоя на позиции лояльности по отношению ко всякой гражданской власти, не борющейся с христианством, не культивирующей безбожия, Церковь не может запрещать православным людям выполнять их гражданский долг, если этот долг не противоречит совести верующего.

2) Оставляя пока в стороне вопрос о целях, задачах, о религиозной обоснованности войны и об изменении отношения к ним Церкви в зависимости от характера войны, подчеркнем, что, культивируя самосознание народа, Православная Церковь не может отойти в сторону в те моменты истории, когда народу грозит порабощение, уничтожение его национальной или государственной самостоятельности, духовное обнищание, разорение его культуры и цивилизации и т.п. И в этом, наиболее типичном случае, точка зрения Православной Церкви показана нам практически преподобным Сергием Радонежским, благословившим великого князя Дмитрия на вооруженную борьбу с татарами. Эта точка зрения ярко вскрывается в героической борьбе святителя Гермогена за освобождение Руси от иноземного ига, в жизни и деятельности многих святых "в земли Российской просиявших".

3) В целях дальнейшего выяснения затронутого вопроса, проанализируем деятельность отдельного человека во время войны. Едва ли найдется много людей, для которых война и их непосредственное участие в ней явилось бы радостным событием. Для большинства это тяжелый крест, который они вынуждены нести. Человек отрывается от обычного образа жизни, от семьи, от родных, близких, от друзей, от всего того, что наполняло его жизнь.

Он бросает все, что ему дорого, и уходит в страшную неизвестность, грозящую ему страданиями и смертью. Попадая на фронт, он терпит жестокие физические и моральные страдания, он находится под давлением тяжелых переживаний, неизбежных на войне, он подвергается ежеминутной опасности, грозящей ему смертью или ранением. Каждый воин, честно выполняющий свой долг, является своего рода мучеником. Конечно, иногда встречаются и своего рода "любители войны", рвущиеся на фронт, но и при этом их психологическом состоянии они не избегаются от страданий, связанных с войной.

Поэтому Церковь рассматривает деятельность отдельного воина не с точки зрения ее греховности, а в свете слов Господа нашего Иисуса Христа: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоанн, XV, 13). Это вполне понятно и закономерно, ибо во многих очень случаях люди призываются действительно защищать свой народ, свою родину, своих близких и т.д. от тех неисчислимых несчастий, которые приносит вторжение врага. Эту глубоко благородную роль выполняет каждый отдельный воин, который, вместе с тем, по сути дела, большей частью, **не является ответственным за возникновение войны.**

Учитывая все это, Церковь благословляет воина на ратный подвиг во имя любви к своему народу.

4) Но, благословляя воина на ратный подвиг, молясь о нем, Церковь считает недостойным ее благословения тех людей, которые используют войну в угоду своим низменным инстинктам и интересам. Это те люди, которые занимаются мародерством, совершают всевозможные насилия над населением, проявляют ненужную жестокость, стараются, во что бы то ни стало, убить противника, совершить сознательное, преднамеренное убийство, прикрываясь условиями войны. Между тем, обязательное физическое уничтожение противника не является необходимым. Современная война ставит своей задачей деморализовать и вывести из строя не отдельных лиц, а крупные вооруженные силы противника, что совершенно не предусматривает обязательного массового истребления. Так во всяком случае было до сих пор. Возможная термоядерная война вносит в приведенное положение существенные коррективы, но это вопрос уже предположительного будущего и его мы рассматриваем ниже.

Несомненно, что всякая война приносит значительное количество жертв, но это, большей частью, совершенно не происходит от индивидуальной воли сражающихся. Поэтому сознательное, преднамеренное убийство отдельных лиц, даже и на войне, не может быть признано нормальным. Задачи — вывести из строя и

убить — совершенно не идентичны.

5) Говоря об участии отдельной личности в войне, необходимо учитывать и следующее. Быть на войне — это подвиг, выполнение которого несет для каждого большие или меньшие физические и моральные страдания. Многовековой опыт Церкви говорит нам, что страдания, которые переносит человек верующий, большей частью меняют его в лучшую сторону. Страдания облагораживают человека, делают его терпеливым, стойким, совершенствуют его духовный облик, смягчают его сердце, приближают его к Богу. И каждый служивший в армии во время войны знает, насколько многие военнослужащие-фронтовики (а особенно долго бывшие на фронте) часто бывают лучше, отзывчивее, человечнее, тоньше и глубже, чем лица, не прошедшие этой школы. Не случайно поэтому то обстоятельство, что в случаях неблагоприятного поведения военнослужащего, проявления им грубости, жестокости, безучастного отношения к окружающим людям обычно говорят: "Ну, этот видно на фронте не бывал!"

Всякое общественное явление часто заключает в себе внутреннее противоречие. И война, являющаяся величайшим бичем для человечества, вместе с тем служит фактором, решительно меняющим моральный облик людей. Причем часть людей меняется в лучшую сторону, а часть — в худшую. Но очень часто война заставляет людей пойти по пути их приближения к Богу. И Церковь знает, что совершается воля Божия, ведущая через страдания к возрождению лучшей части человечества.

6) Молясь за православных воинов, сражающихся на поле брани, рассматривая выполнение ими своих обязанностей как святой долг, как величайший христианский подвиг, Православная Церковь, тем самым, меняет характер войны, вливая в нее струю христианства, смягчая ее характер. Человек, идущий на войну, верующий в Бога, знающий, что он выполняет великий долг любви к своим ближним, борющийся против зла, жертвующий своей жизнью за это, воюет совершенно иначе, чем человек, живущий без веры в Бога.

Указанную нами мысль об изменении характера войны под влиянием религии легко проверить, проанализировав наиболее крупные памятники русской художественной литературы, в которых этот момент нашел достаточное отражение. Чтобы понять сказанное, достаточно вспомнить "Севастопольские рассказы" Л. Н. Толстого, его батальные сцены из "Войны и мира", военные рассказы Короленко, Гаршина, Куприна и других писателей и сравнить их, например, с некоторыми произведениями советской литературы, посвященными войне. В первых из указанных произведений, дававших, независимо от отношения их авторов к Церкви, правдивое изображение право-

славного народа мы видим, наряду с неизбежными ужасами войны, волну большой теплоты, любви к людям, гуманное отношение к врагу, исходящее от воинов, выполнявших свой долг на основе христианства, православной церковности. Во-вторых же из них мы видим войну безрелигиозную, войну, полную нечеловеческой ярости, злобы, ненависти и жестокости.

Приведем два примера, взятых нами из старой русской и советской литературы:

"Передо мною лежит убитый мною человек. За что я его убил?

Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда. Кто он? Быть может, и у него, как и у меня старая мать? Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?..

Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, куда-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули..." (В. М. Гаршин. "Четыре дня").

А вот уже нечто совсем другое:

"...Трех раненых добивал косорукий Алешка Шамиль. Он ставил их лицом к плетню, рубил по очереди. После долго возле зарубленных толпились казаки, курили, рассматривали трупы. У всех одинаковые приметы: туловища развалены наискось от ключицы до пояса..."

И еще:

"В непостижимо короткий миг он зарубил четырех человек и, не слыша криков Прохора Зыкова, поскакал вслед за пятым... Пустите гады! Всех.. Рублю!.." (М. Шолохов. "Тихий Дон").

До сих пор мы рассматривали отношение Православной Церкви к войне в плане индивидуального участия в ней отдельных лиц.

Теперь необходимо остановиться на некоторых более общих вопросах, характеризующих отношение Православной Церкви к войне.

Говорить об отношении Церкви к войне в той общей постановке вопроса, которая была дана в начале этой статьи, — значит сказать еще очень мало. Но, тем не менее, указанные выше формулировки остаются основой для правильного решения поставленной задачи.

Необходимо учесть, что характер, тип войны, само собой разумеется, может быть самый разнообразный. Войны могут иметь самые различные цели, и, в зависимости от характера войны, в известной мере меняется к ним отношение Церкви.

Считая войну явлением отрицательным, борясь против нее всеми доступными ей способами, Церковь, вместе с тем, не может не под-

держат ту войну, которая направлена ко благу миллионов людей, которая является вынужденной войной, необходимой для защиты народа от порабощения. С этой точки зрения Русская Православная Церковь неизменно поддерживала борьбу русского народа против татарского ига, против иноземного нашествия в дни Смутного времени, против нашествия Наполеона, против иностранного вторжения в Крым, связанного с легендарной обороной Севастополя (1854-55 гг.), против многих других врагов, с которыми вынужден был бороться наш народ, отстаивая свою национальную независимость и самостоятельность.

Русская Православная Церковь за тысячелетие своего существования в России, независимо от воли людей, стала глубоко национальной, и ее деятельность неразрывно связана и слита с судьбой и интересами нашего великого народа. И поэтому совершенно понятно, что всякая борьба, направленная на защиту национальной самобытности народа, его веры и духовной культуры в целом, получит поддержку Церкви и глубоко религиозное обоснование. Но при этом надо, конечно, отметить, что национальная сторона церковного бытия является вторичной по своему значению, ибо на первом месте стоит чисто духовная сторона церковной деятельности и вселенская роль Православия. Об этом никогда не следует забывать и преувеличивать и раздувать национальную обусловленность Церкви, неизбежную на данном этапе духовного развития человечества как известная уступка духовному младенчеству последнего. Ибо в принципе Церковь наднациональна, сверхнациональна, всемирна, и ее национальная обусловленность — явление внешнее, не исходящее из внутренней сущности Церкви.

Возвращаясь к изложению нашей основной темы, мы должны будем отметить, что история также знает немало случаев, когда один народ начинает вооруженную борьбу с другим народом во имя защиты больших или меньших групп людей или целых государств, во имя справедливости, во имя отстаивания интересов обездоленных. Примером такого рода борьбы может служить война России с Турцией, которая велась в конце прошлого столетия. Ее целью было освобождение православного населения Балкан от турецкого владычества, преследовавшего христианство.

Православная Церковь всегда будет сторонницей мирного улаживания подобного рода конфликтов. Но если этот путь невозможен, если надо применить силу для борьбы с очевидным злом, то Церковь поддержит такую войну как войну справедливую, ведущуюся за торжество правды Божией. И если бы мы столкнулись с необходимостью вступить в вооруженную борьбу за право существования христианства в той или иной стране земного

шара, то это была бы святая борьба, оправданная Церковью и не противоречащая сущности христианства.

Бывают также случаи, когда Церковь стоит перед лицом войны, возникшей и ведущейся по причинам, лежащим вне возможности влияния на них со стороны Церкви. Последняя остается как бы нейтральной. Не поддерживая этой войны, православная Церковь, вместе с тем, не воспрещает участие в ней православным людям, если это не противоречит их христианской совести.

Это делается по причинам, подробно указанным выше.

Но возможны случаи, когда Православная Церковь выступит против войны и запретит православным принимать в ней участие. Это может иметь место, когда мы имеем дело с войной, направленной на разрушение религии, направленной против Христа и Его Церкви, — когда мы имеем дело с войной, которая несет за собой мрак безбожия, разрушение духовной культуры человечества. Это будет также война, направленная на хищническое поглощение одним народом другого во имя чисто эгоистических интересов. Это будет война несправедливая, человеконенавистническая, захватническая. И, говоря об этих войнах, особенно следует вспомнить слова Спасителя: "ибо все, взявшие меч, мечем погибнут" (Матф. XXVI, 52).

Таким образом, все сказанное нами ранее подтверждает данное в начале статьи положение об отрицательном отношении Церкви к войне. Вместе с этим, частное решение данного вопроса в конкретной исторической обстановке может иметь диапазон от поддержки Церковью отдельных войн до полного отказа от какого-либо прямого или косвенного участия в ней.

Однако все сказанное выше не исчерпывает затронутой темы. Отношение Православной Церкви к войне — большой и сложный вопрос, который не может быть полностью разрешен в краткой статье. Его исчерпывающее изложение требует, понятно, более объемистого труда. Здесь же даны только основные вехи для правильного понимания всей поставленной проблемы.

Мы живем сейчас в эпоху возможной всемирной ядерной катастрофы. Возможность мировой или локальной войны с применением ядерного оружия не может быть снята "с повестки дня". Меняется ли отношение Православной Церкви к войне при подобном положении в мире? Нет, оно остается по существу тем же. Но Церковь знает: конец мира неизбежен по обетованию Спасителя. И случится это раньше или позднее — не имеет с религиозной точки зрения ни малейшего значения. Придет ли конец этого мира в результате ядерной катастрофы или столкновения нашей пла-

неты с каким-либо небесным телом, — не меняет существа дела. Форма, в которой придет конец Земли, оставляет не затронутым содержание процесса. Но это совсем не означает, что надо оставаться пассивным в отношении перспективы возникновения тотальной ядерной войны. Православная Церковь считает ядерную войну недопустимой, но она не может в данном вопросе пойти по пути Московской патриархии, "борющейся за мир" и против ядерного оружия исключительно с советской точки зрения. В этой борьбе за советские "мирные инициативы" наговорено и написано столько лжи, что говорить на эту тему бесполезно. Мы отлично знаем цену всего того, что провозглашается с различных трибун представителями советской церковной номенклатуры. Подчеркнем: представителями церковной номенклатуры, но не Церковью.

Мы верим в промыслительность всего происходящего. Церковь, вернее ее свободная часть, неподведомственная кремлевской олигархии, всецело поддержит каждое честное мероприятие, направленное на защиту человечества от ядерной угрозы, но она абсолютно отрицательно относится к тому словесному словоблудию,

которое так охотно провозглашает Московская патриархия по указаниям диктатуры. И в этом отношении Церкви значительно ближе принцип космической противоядерной обороны, провозглашенной правительством США, или укрепление западной обороны, снижающей опасность советского нападения, чем лживые разглагольствования о советских "мирных инициативах", по существу являющихся планом "мирного захвата" западного мира.

Церковь, как мы уже указывали выше, никогда не отрицала возможности борьбы со злом путем применения силы. Ей чужд наивный и беззубый, неосмысленный пацифизм. В этом отношении она расходится, например, даже с некоторыми представителями Католической Церкви, недавно в лице своего американского епископата, высказавшихся за пацифизм и за столь любезное Москве замораживание атомного оружия.

Мы живем в страшные времена широкого наступления дьявольских сил против Христа и Его Церкви. И мы вступаем в борьбу с темными силами ада, используя все способы, указания на которые нам даны в Евангелии Господа нашего Иисуса Христа.

Н. ВОЕЙКОВ

РУССКИЕ В ПАЛЕСТИНЕ

(Историческая сводка)

Следует напомнить, что одной из причин Севастопольской кампании была антиправославная политика Турции в Святых Местах. Под нажимом Франции Порты в 1853 году отобрала от греков ключи Вифлеемского храма и передала их католикам, нарушая этим обещания, данные России. В Иерусалиме начались немедленно беспорядки, жестоко усмиряемые турками, и Николай I объявил протест Порте. Испуганный султан был склонен к уступке России, но, кроме Франции, в дело вмешалась Англия. Дело в том, что после многократных просьб грузинских царей Россия согласилась присоединить к Империи их страну, издревле стойко исповедовавшую Православие. Это навсегда избавило Грузию от вековых нападений Персии, но причинило гнев Турции, а главное — Англии, для которой завоевание Кавказа представлялось угрозой конкуренции России на Востоке, в частности, в Индии. Поэтому английское золото содействовало, до и после Севастопольской кампании, вооружению всех наших врагов, ставя под угрозу и судьбу православных в Палестине.

Александр II, благодаря успешной дальневосточной политике, восстановил полностью престиж Империи после замирения Кавказа и

Берлинского Конгресса 1856 года. По его почину в Иерусалим отправились Епископ Кирилл Мелитопольский с духовенством, положившие начало русской миссии в Палестине в 1858 году.

Следует напомнить, что уже в XII веке в Иерусалиме находился русский монастырь, судьба которого теряется в глубинах веков. С эпохи Киевской Руси туда непрерывно направлялись толпы паломников¹ всех родов и сословий; многие погибали в пути от руки разбойников или иноверцев, некоторые принимали постриг и оставались в Св. Местах, другие возвращались, бережно храня посмертные рубахи, полагаемые ими на Гробе Господнем. Это вековое паломничество прошло через всю нашу историю, вплоть до революции.

Впоследствии к Миссии присоединилось и другое полугосударственное начинание — "Православное Палестинское Общество", задачей которого была охрана интересов и нужд русских паломников; оно существует и донныне под покровительством Русской Зарубежной Церкви.

¹От слова "пальма", ветвь которой держали в руках молящиеся.

Деятельность этого Общества была огромной. В его ведении находилось около 100 арабских школ и две учительские семинарии — мужская в Назарете и женская в Бэн-Джале. Русский язык широко распространялся, а вместе с ним и культурное влияние. До сих пор многие арабы говорят по-русски, а дети их пополняют наши обитатели, изучают иконописание, вышивание и поют во время Богослужений.

Другой стороной деятельности русских в Палестине являлось приобретение Св. Мест. Русские там явились позже других, когда почти все уголки, связанные с земной жизнью Христа, уже были заняты представителями инославных религий. Русской Миссии удалось купить у арабов многие участки земли, дорогие по евангельским воспоминаниям. Таким образом, кроме владений в самом Иерусалиме, в ведении "Палестинского Общества" оказались: монастырь на Елеонской горе, монастырь в Эйн-Кареме, часть Гефсиманского сада, в Хевроне — Дуб Мамврийский и собор, в Яффе — церковь, странноприимный дом, апельсиновый сад и гробница св. Манефы, поместье на Иерихоне, земля в Вифании, церковь на горе Кармель в Хайфе, дом в арабском квартале Тивериады и поместье Магдала с минеральными ключами на берегу Тивериадского озера, а также церковь и важные раскопки у Гроба Господня.

А. Ладинский описывает жизнь русских в Палестине накануне последней войны, когда Миссию возглавлял блаженнейший Митрополит Анастасий; приведем некоторые выдержки из его рассказа: "...там еще витают 80-е годы. Белоснежные сводчатые, вымощенные розовым камнем монастырские коридоры увешаны портретами царей и усыпаны звездами иерархов и уставлены фикусами. На черносиней картине изображен Афон и русские рангоутские фрегаты. Пахнет ладаном. В домовых церквях слышится пение сильных мужских голосов. Потом черные фигуры расходятся по своим кельям, а в положенное время собираются в трапезной, где много молятся, но мало и скудно, по-монастырски, едят. Похлебка и овощи, изредка рыба. За трапезой чтение житий святых и мучеников с теми странными именами, какими уже никто больше не называет детей: мученик Дула или мученица Акилина.

В покоях митрополита плюшевая мебель 80-х годов и та старомодная вежливость и изысканная речь, какая сохранилась только на

архерейских подворьях да в монастырях... Митрополит в совершенстве владеет английским языком, много читает, следит за литературой и с заезжим писателем пожелал говорить на литературные темы. Среди представителей властей авторитет его стоит на большой высоте. На всех официальных приемах он на полном основании представляет русскую православную общину. По воскресеньям, после обедни в соборе Св. Троицы, митрополит по обыкновению устраивает чай для прихожан, по-русски, с лимоном и вареньем... Работы в Миссии много. О. Антоний¹, начальник Миссии, и другие монахи суетятся с утра до ночи. У каждого свое послушание, кто ризничий, кто эконо́м. Среди монахов много стариков, которым уже нужен покой, работа ложится на плечи молодых, а молодых мало. Между прочим, существует при Миссии журнал "Святая Земля", русские юноши набирают его в маленькой типографии. В нем статьи о Палестине, об археологических находках, о христианской старине или по вопросам догматики. А колокол домового храма уже снова звонит и снова в коридоре пахнет ладаном и слышится пение канонов и стихир. Это уголок старой России с ее молитвами, колокольным звоном и церковно-славянским шрифтом".

Вот этот русский уголок и пришлось скоро защищать в наступавшие в Палестине смутные времена. Советы, в ореоле своей победы, не замедлили требовать от робевших пред ними союзников немедленного возврата им всех владений Империи. Их бесстыдные провокации встретили энергичный отпор со стороны о. Архимандрита Анатолия (начальника Миссии), поддержанного всеми без исключения насельниками. Когда советский патриарх Алексей в сопровождении властей и своих красных иерархов осмелился посетить наш Собор на Елеоне, там совершалось Богослужение. Каково было изумление непрошенных визитеров, когда они увидели, что никто из служителей и молящейся братии не обратил на них ни малейшего внимания! Напомним, что во главе Елеонского монастыря находилась игуменья Тамара, в миру — княгиня Татьяна Константиновна, дочь Великого князя Константина Константиновича.

Русская Миссия всегда пользовалась благосклонностью патриархов Иерусалимских, в прежнее время щедро одаряемых нашими государями. Все попытки захвата русских владений Советами остались тщетными, и будем верить, что славное "Палестинское Общество" доживет до воскресшей Российской Империи.

риархии, именно те владения, которые находились на территории Израиля в границах 1948 г. Монастырь и церковь в израильской части Иеру-

¹ Теперь архиепископ Лос-Анжелосский и Южно-Калифорнийский.

Примечание. К сожалению, в отношении русских православных владений в Палестине обстоит не все так благополучно, как кажется, если прочесть статью нашего уважаемого сотрудника. Часть прежних православных русских владений была передана Московской пат-

салима (до войны 1967 г.) и поместье Магдала на Тивериадском озере. Те владения Православной церкви, которые находились на территории Иордании и лишь в войне 1967 г. перешли под управление Израиля, остаются в ведении Зарубежной церкви.

Помнится, я решила посмотреть, что стало с монастырем в Магдале. Я пошла туда пешком, т. к. это совсем близко от Тивериады. Но когда я шла по берегу Генисаретского озера, меня обогнал автомобиль, остановившийся у ворот монастыря. Из него вышли два чисто советских типа и начали громко стучать в ворота и кричать по-русски, чтобы им отворили. Я остановилась в сторонке. Дверь открылась, и они вошли, а я повернула обратно. На другой день я все же снова пошла в монастырь и позвонила у ворот. Мне открыла хромая женщина в несколько фантастическом одеянии, лишь слегка смахивающем на монашеское. На вид ей было лет 35–40. Она пригласила меня в свою комнату (не решусь написать “келью”), и я ахнула, такая там господствовала нищета. Даже на кровати вместо одеяла были какие-то грязные тряпки. Она спросила меня, кто я, и я ответила, не скрывая, что эмигрировала во время войны и живу в Западной Германии. Сейчас же эта женщина, не предложившая мне даже стакана воды, что в жарком климате обычно, замурлыкала о родине, о том, не хочу ли я вернуться на родину. “Родина простит”, — заявила она патетически в тоне советской пропаганды. “А я себя перед родиной виноватой не считаю, от коммунистических же палачей моей родины прощения бы не взяла, даже если б они мне его предложили”, — ответила я. И добавила: “Посмотрите, вот вы им служите, пропагандируете их идеи, а в какой нищете они вас содержат? Просто стыдно!” Она мне на это ничего не ответила, я же попрощалась и ушла.

В Иерусалиме старая монахиня (вряд ли она теперь жива) сказала мне, что в их монастырь прислали советских “монахинь”. “Это какие-то комсомолки, — сказала старушка, — просто страх берет жить с ними под одной крышей”.

Вначале Советский Союз ставил на карту Израиля. Он был первым государством, проголосовавшим в ООН за создание этого нового государства. В Палестину перед тем было заслано значительное количество евреев из СССР со специальным заданием. Они, однако, возложенных на них коммунистами надежд не

оправдали: попав за пределы СССР, большинство из них стали жить обычной жизнью, а не работать на СССР. Тем не менее, первое время между Израилем и СССР были хорошие отношения, хотя Израиль все определеннее направлял свою политику в сторону западных демократических держав. Затем Советский Союз резко переменял свою политику на Ближнем Востоке и поставил на арабскую карту. Во время войны 1967 г. Советский Союз порвал дипломатические отношения с Израилем. Теперь израильские власти жалели об отдалении русских православных церквей и монастырей Московской патриархии: после отъезда советской дипломатической миссии только в этих “опорных пунктах” Московской патриархии обосновались советские наблюдатели и агенты.

В оккупированных Израилем областях Иордании русским православным церквям и монастырям не грозила выдача их Московской патриархии, т. е. коммунистической диктатуре. Попытки советских представителей проникнуть туда были сразу пресечены самими русскими православными. Игуменья Тамара монастыря на Елеонской горе (из дома Романовых), высокая, строгая, рассказывала мне, с каким возмущением она отвергла попытку представителей Московской патриархии переступить порог монастыря. Не допустила их и незабвенная матушка Варвара, игуменья монастыря в Гефсиманском саду. При каждом моем посещении Иерусалима я с ней встречалась, и почти каждый раз она вспоминала о том, как ей, 16-летней девушке, Иоанн Кронштадтский предсказал, что она будет монахиней в Иерусалиме. Всегда она высказывала уверенность в возрождении России. Последний раз я встретила с ней незадолго до ее кончины. Ей было уже 92 года, она была почти слепая и уже мало кого принимала. И снова она высказала свою уверенность в духовном возрождении России. Дал бы Бог...

Последнее время в прессе мелькают сообщения о желании Советского Союза снова наладить дипломатические отношения с Израилем. Будем надеяться, что, наученные горьким опытом, израильские власти не поддадутся искушению “купить” благорасположение Советского Союза, пожертвовав ему русские православные церкви и монастыри, находящиеся теперь в ведении Зарубежной церкви.

В. ПИРОЖКОВА

Д. ШТУРМАН

НАУКА ИЛИ ОПЯТЬ УТОПИЯ?

(Продолжение. Начало в № 37)

II. Новый общественный строй

1

Существует упорная тенденция — снять с Маркса и Энгельса ответственность за реальный социализм. Так, в "Континенте" № 37 Ст. Братковский в статье "Великое недоразумение" пишет на стр. 173:

"...дать рабочим статус совладельцев, акционеров крупной промышленности — это ни в чем не противоречит Марксу, *который социализма вообще не проектировал (курсив мой. — Д.Ш.).* Ибо мелкий производитель, крестьянин и лавочник тоже не рассматривались отцом доктрины как враг будущей системы".

Но, во-первых, и став акционерами, рабочие не начнут непосредственно управлять предприятиями. А, во-вторых, Маркс и Энгельс многократно проектировали социализм в своих работах и однозначно рассматривали всю "мелкую буржуазию" как врага будущей коллективной системы, что перенял у них и Ленин.

Как же выглядел социализм в их представлении?

В "Принципах коммунизма"¹ прямо и четко ставится вопрос:

Каков должен быть этот новый общественный строй?

И дается ответ:

"Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. *Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т.е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию.* Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием ("следствием"? Почему не условием? — Д.Ш.) частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место займет общее пользование всеми орудиями про-

изводства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности" (стр. 329—330, курсив мой — Д.Ш.).

При имеющем неизбежно наступить коммунизме (он же в ряде работ социализм) "*...руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества*".

Ставит вопросы в "Принципах коммунизма" сам Энгельс, а не его воображаемая аудитория. Поэтому на вопросах, которые представляются Энгельсу ясными, его гипотетические слушатели не останавливаются. Они задают только те вопросы, которые возникают в сознании самого автора, и удовлетворяются его ответами на них. Между тем в ответе, приведенном выше, существует, несмотря на его уверенные интонации, принципиальная недоговоренность. Она требует постановки нескольких дополнительных и очень важных вопросов, без разъяснения которых ответ Энгельса на "14-й вопрос", основополагающий и центральный для всей конструктивной части марксизма, не является, по сути дела, ответом, а представляет собой расширенную тавтологию самого вопроса.

Как технологически, процессуально "все общество" будет вестись "всеми отраслями производства"? Как оно "все" будет осуществлять "руководство промышленным производством"?

Что значит "общественный план"? Как практически "все члены общества" будут участвовать в составлении этого "твердого плана"?

Кем и как будут определяться "общественные интересы" и "потребности всех членов общества"? Из текста следует, что "всеми членами общества". Посредством каких социальных механизмов? Какой технологии? Какого процесса?

Как должно выглядеть на деле "общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему согла-

шению, или так называемая общность имущества”?

Энгельс не считает эти вопросы существенными. То ли по их (кажущейся) для него ясности (по самоочевидности для него ответов на них), то ли по дальности их предстоящего практического решения он их не ставит и переходит к политическим проблемам неизбежной, по его представлению, социалистической революции. Правда, в конце статьи он еще раз перечисляет все, что будет осуществлено после уничтожения частной собственности (последнее признается необходимым и достаточным условием всех положительных преобразований). Но нигде во всей этой основополагающей работе (не более и не менее как самые “Принципы коммунизма”!) вы не найдете и намека на то, как практически в чисто технологическом смысле слова осуществляются процессы “общественного” планирования, “общественного” управления производством, “общественного” распределения (еще раз подчеркнем, что у Энгельса везде идет речь о процессах, осуществляемых **всем обществом**, а не какой-то его уполномоченной на это частью).

Поражает то, какой простодушной скороговоркой Энгельс перечисляет сложнейшие всепроникающие процессы, которые должны лечь в основу коммунистического преобразования общества и его производства. Он не испытывает и тени сомнения в осуществимости не только предлагаемой им и Марксом многосторонней реорганизации общественного устройства и производства, но и в возможности коренной переделки самого человека. Его прогнозы в принципе совпадают с требованиями утопической доктрины Фурье, не углубляя последнюю ни одним достаточно основательным доказательством.

Прежде всего принимается за аксиому, что уничтожение частной собственности и управление сообразно оптимальному плану, как-то выработанному “**всем обществом**”, создадут изобилие, способное удовлетворить потребности всех членов общества. Отказавшись от частной собственности, общество, по мнению Энгельса, сможет “организовать *распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы*”. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимо с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей,

приводящих в движение эти средства”. “Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется *сообща и планомерно всем обществом*, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться *во всей системе производства*. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий” (стр. 335—336). “Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом”, — далее пишет Энгельс. Корни этого тезиса лежат в утопиях Т. Мора и Ш. Фурье. Для чего нужно подобное громоздкое и неудобное совместительство, непонятно...

В следующем далее предсказании распада и исчезновения современных форм брака, объединяющих детей и родителей и сводимых Энгельсом к сугубо экономическим предпосылкам, совершенно исключается чувство избирательной привязанности, объединяющей людей на всю жизнь, и любовь между детьми и родителями, требующая семейного воспитания и совместного проживания.

Трудно поверить, что вся конструктивная часть марксистского “научного коммунизма”, посвященная будущему всего человечества, вытекает из этого чисто фурьеристского рассуждения, повторенного затем многократно Энгельсом и Марксом и бесчисленное количество

раз — последователями и пропагандистами их учения. Попробуем же вдуматься в это пророчество тем внимательней, что ничего технологически конкретизирующего эту картину нам классиками марксизма в наследство оставлено не было.

Согласно одной из фундаментальных первооснов марксизма (исторического материализма), деление общества на классы предопределяется структурой общественной занятости, зависящей, в свою очередь, от уровня и характера развития общественных производительных сил. Здесь же уничтожение классов выводится прежде всего из достижения (после введения всеобъемлющей плановости) полного изобилия потребительских благ. Значит, под него подводится чисто имущественное, потребительское, а не производственное обоснование, что лишает этот тезис собственной марксистской логики.

Несколько позже Энгельс вроде бы переходит к функциональному обоснованию снятия классовости. Но все это рассуждение строится на утверждениях, что каждого современного человека можно обучить одновременно всем занятиям, бытующим в современном обществе, или большинству таковых, и что современный человек может с необходимым для высокопроизводительного труда уровнем профессионализма и мастерства совмещать или чередовать в своей деятельности все эти различные виды занятий. Если это не так, весь Энгельсов (разделяемый с Марксом) прогноз коммунизма оказывается утопией, ничуть не более жизненной, чем "серии" и "стадии" фаланстера Фурье, откуда и взят непрерывный переход коммунистического человека от занятия к занятию (у Фурье — многократный в течение каждого рабочего дня).

Не всякое, однако, разделение общественного труда является, как известно, классообразующим. Гипотеза Маркса и Энгельса, в их глазах и в глазах их последователей, являющаяся не гипотезой, а научным открытием, априори предполагает, что после уничтожения частной собственности в жизни каждого человека будут совмещаться производство планов и решений (хозяйственных, политических, административных, организационных, научно-технических и другого рода, глобальных и частных) и практическое осуществление этих решений и планов. Правильность этого предположения (в работах Маркса и Энгельса оно стилистически оформлено не как предположение, а как объективное знание) есть необходимое условие осуществимости "принципов коммунизма". На нем основано обещание участия "всего общества" в рациональном и всепроникающем планировании всех социально значимых процессов. На нем покоится равное со всеми прочими участие каждого члена общества в управлении изъятыми из частной собст-

венности средствами производства. Им предопределяется и коллективное равноправное распоряжение *всех членов общества* продуктами общественного производства. Если совместить производство решений и их исполнение в жизни каждого члена общества в равной со всеми прочими мере нельзя, то вся предначертанная Энгельсом и Марксом коммунистическая формация оказывается таким же воздушным замком, как фаланстер Фурье с его "стадиями" и "группами". Однако ни сто сорок лет капиталистического развития, протекшие после публикации первых (и неизменных до конца его жизни) прогнозов Энгельса, ни почти семьдесят лет социалистического развития в XX веке не свидетельствуют даже о потенциальном отмирании классообразующих и профессиональных разделений общественного труда. Производство решений, по-прежнему, отделено от их исполнения, а определенные профессии как правило остаются делом жизни человека или во всяком случае долгих ее отрезков. Обозримое будущее не обнаруживает тенденции к снятию этих принципов и к замене их всеобъемлющим универсализмом ни в организации общества (политика), ни в его производстве (экономика), ни в науке, ни в военном деле и так далее. Напротив, уничтожение частной и независимой групповой собственности приводит к тому, что число лиц, располагающих истинной принципиальной распорядительной инициативой в обществе резко падает. Реальная инициатива сосредоточивается на самой верхушке аппарата власти. Такого рода последствия уничтожения частной собственности и конкуренции были предсказаны современниками Маркса и Энгельса, например, Г. Спенсером, но никогда основоположниками "научного коммунизма" не учитывались и всерьез не рассматривались. Вопреки декларативному тезису Маркса (в его знаменитой семейной анкете) "Все подвергай сомнению", набросанной ими идиллии коммунистического универсализма и тотального равенства человеческих прав и возможностей в своем новом мире Маркс и Энгельс никогда сомнению не подвергали.

Примерно та же, что и в "Принципах коммунизма", картина коммунистического общества набросана двумя годами ранее в "Эльберфельдских речах". В качестве последнего и решающего довода в пользу осуществимости коммунистического строя приводится следующее рассуждение: "Что коммунистический принцип является принципом будущего, за это говорит ход развития всех цивилизованных наций, за это говорит быстро прогрессирующее разложение всех существовавших до сих пор социальных учреждений, за это говорит человеческий здравый смысл и прежде всего человеческое сердце" (стр. 545)².

Действительно, во всем том, что мы прочи-

тали до сих пор, "говорит... прежде всего человеческое сердце", потому что сострадательному наблюдателю тяжело было видеть эксцессы еще не демократизовавшегося даже в Европе и США капитализма 1840-х годов. "Человеческому сердцу" и сегодня хотелось бы верить в "коммунистическое далеко", где "легко будет учитывать как производство, так и потребление. Так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто вычислить, сколько потребуется определенному числу лиц, а так как производство уже не будет тогда находиться в руках отдельных частных предпринимателей, а будет находиться в руках общины и ее управления, то нетрудно будет *регулировать производство соответственно потребностям*" (стр. 535).

К "легкости" такого учета и регулирования нам еще предстоит вернуться. Но "человеческому сердцу" трудно не тяготеть к царству всеобщего равенства и благополучия, тем более, что Энгельс почти каждый абзац, живописующий не омраченный никакими сомнениями апофеоз коммунизма, начинает с глаголов настоящего времени: "Итак, мы видим..."

Читателей и слушателей подкупает еще и свойственная всем утопистам, в частности Фурье, Сен-Симону и Оуэну, мнимая конкретность прогнозов, мнимый реализм, состоящий в "предусмотренности" вещей, которые на самом деле совершенно фантастичны. Однако безапелляционность и категоричность (прежде всего интонационная) их описаний исключает самую мысль о хотя бы проблематичности предполагаемых изменений и нововведений. Так, в "Эльберфельдских речах" Энгельс пишет: "Самая большая экономия рабочей силы заключается в *соединении отдельных сил* в коллективную силу общества и в таком устройстве, которое основано на этой концентрации до сих пор противостоявших друг другу сил. Здесь и хочу присоединиться к предложениям английского социалиста Роберта Оуэна, так как они наиболее практичны и наиболее разработаны. Оуэн предлагает вместо теперешних городов и сел с их обособленными, мешающими друг другу домами, сооружать большие дворцы, каждый по площади, имеющей приблизительно 1650 футов в длину и столько же в ширину и включающей большой сад; в таком дворце смогут с удобством разместиться от двух до трех тысяч человек". (стр. 541—542).

Далее следуют подробные (так же, как у Фурье и Оуэна) "расчеты" коллективных расходов и того выигрыша, который принесет коммунизация быта, а также перечень конкретных путей, которыми пойдут к этой коммунизации разные народы Земли. При этом перестройка традиционного способа существования каждого из этих народов, вплоть до ликвидации *всех ! (!)* "теперешних городов и сел" (опыт чего был недавно поставлен "крас-

ными кхмерами" Пол Пота в Камбодже), изображается как быстротекущее и безболезненное преобразование. Один из путей этого преобразования видится Энгельсу следующим образом:

"Второе мероприятие заключается в полной *реорганизации попечительства о бедных* таким образом, чтобы всех безработных граждан устраивать в колонии, где они занимались бы сельскохозяйственным и промышленным трудом и где их труд был бы организован в интересах всей колонии.

...Вся рабочая сила безработных была бы использована таким образом на благо общества, а сами они из деморализованных, угнетенных пауперов превратились бы в культурных, независимых, деятельных людей; они находились бы в таких условиях, которые очень скоро показали бы завидными необъединенным рабочим и открыли бы путь к полной реорганизации общества" (стр. 544).

Трудовые колонии должны стать заменой пособиям по безработице. Непонятно одно: если общество имеет реальную нужду в "сельскохозяйственном и промышленном труде", то откуда берутся безработные? И почему бы не предоставить им (при наличии спроса на их труд) возможность работать, не интернируя их в колониях? Откуда берется уверенность, что жизнь в колониях будет прекрасна и вызовет зависть "необъединенных рабочих", живущих своим домом, своей семьей? Кстати, средства на замену городов и сел "большими дворцами" с их коммунальных хозяйством и на организацию трудовых колоний, не менее комфортабельных, чем эти дворцы, Энгельс намерен получить посредством прогрессивного налогообложения капиталистов. Таким образом, капитализм должен сохраняться и эксплуатироваться на протяжении всего перехода общества к новому, коммунистическому правопорядку? Иначе это истолковать невозможно...

У Энгельса в "Эльберфельдских речах" есть еще один интересный прогноз, в наши дни не требующий пространных комментариев: "В коммунистическом обществе никто не станет и думать о постоянном войске. Да и зачем? Для охраны внутреннего спокойствия страны? Но мы уже видели, что никому и в голову не придет нарушать это внутреннее спокойствие. Ведь боязнь революций является только результатом противоположности интересов; там, где интересы всех совпадают, не может быть и речи о подобных опасениях. — Для захватнической войны? Но как может коммунистическое общество дойти до того, чтобы предпринять захватническую войну, — общество, которое очень хорошо знает, что на войне оно только потеряет людей и капитал, между тем как завоюет оно самое большее несколько недовольных провинций, которые, следовательно,

принесут с собой нарушение социального порядка! — Для оборонительной войны? Для этого оно не нуждается в постоянной армии, так как легко будет научить каждого годного для войны члена общества, наряду с его другими занятиями, владеть оружием настолько, насколько это необходимо для защиты страны, а не для парадов. И примите при этом во внимание, что член такого общества в случае войны, которая, конечно, может вестись *только против антикоммунистических наций*, должен защищать *действительное* отечество, *действительный* очаг, что он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии” (стр. 539, курсив Энгельса).

Это постоянное для прогнозов социалистической классики, в том числе и марксистской, *“но мы уже видели”* (мы-то уже, действительно, видели!) придает всему рассуждению недоступную Энгельсу убийственную историческую иронию. О гражданском мире внутри коммунистических стран и о братских отношениях между таковыми говорить не будем: здесь все ясно. Отметим только, что война *“против антикоммунистических наций”* Энгельсом предусмотрена, легализована и выделена курсивом. **Некоммунистическим** государствам, которые в любой момент могут быть объявлены (как, например, объявлены сегодняшней советской пропагандой США) *“антикоммунистическими”*, следовало бы это знать и об этом помнить.

Есть, однако, у Энгельса более поздняя работа, в которой, как свидетельствует ее название, социализм должен бы трактоваться глубоко научно, без иллюзий, без эмоциональных и политических пристрастий и примесей. Эта работа называется *“Развитие социализма от утопии к науке”* (*“Socialism: Utopian and Scientific”*). Мы к ней уже обращались и возвращаемся снова.

Может быть, в этой классической для *“научного коммунизма”* работе и в *“Критике Готской программы”* Маркса нам удастся найти убедительные ответы на вопросы, возникающие при чтении более ранних основополагающих работ Энгельса? Если нет, то с чем же мы имеем тогда дело?..

В первой главе нами уже рассматривался развернутый в *“Развитии социализма от утопии к науке”* тезис о пролетариате как о силе, единственно приводящей в движение все средства общественного производства и создающей, в конечном счете, все стоимости. Снятие уже одной только этой посылки лишает основания то, что Маркс называет главной своей заслугой, — теорию диктатуры пролетариата. А неизбежность снятия этого не соответствующего фактам довода сомнений не вызывает.

Есть еще одно уязвимое место в рассуждениях Маркса и Энгельса о неизбежности перехода общественного производства в распоряжение пролетариата. Начиная с *“Коммунистического манифеста”* и затем многократно, Маркс и Энгельс проводят симметрическую аналогию между взаимоотношениями *“аристократия — буржуазия”* и *“буржуазия — пролетариат”*. Рабочий класс как самый перспективный класс современного (уже Марксу и Энгельсу) общества должен, по их убеждению, так же уничтожить власть буржуазии, как буржуазия уничтожила в свое время власть аристократии. Причем речь идет как о политической власти, так и о функциях производственного управления, которые пролетариат тоже должен перенять у буржуазии, не переставая при этом быть пролетариатом, то есть выполнять повседневные обязанности рабочего класса. Но и эта основополагающая для марксизма аналогия не имеет под собой серьезного исторического и функционального обоснования.

Между буржуазией и аристократией никогда не существовало таких производственных взаимоотношений, как между буржуазией и пролетариатом. Аристократия никогда не являлась организующей и управляющей силой какого-то производства, в котором буржуазия играла бы роль исполнительницы. Свое место организатора и распорядителя машинного производства и связанного (а еще ранее и не связанного) с ним обмена и распределения буржуазия заняла в рамках военно-административного господства аристократии. Буржуазные революции как сравнительно мирные, так и кровавые, были по существу своими актами приведения юридического статуса буржуазии в соответствие с ее реальным производственно-функциональным статусом. Буржуазия не переняла у аристократии ее военно-административных обязанностей (их переняло государство, созданное в общих чертах абсолютизмом), а феодальная знать никогда не выполняла обязанностей буржуазии.

Опыт 20 века наглядно доказывает: обязанности буржуазии тоже могут быть переданы государству и его аппарату, но еще ни разу не удалось передать их пролетариату (или наблюдать стихийное возникновение такой ответственности в границах капиталистического производства).

Кризисная ситуация, которая периодически возникает в отношениях между буржуазией и пролетариатом без вмешательства марксистских или других экстремистских партий, обычно относится к сфере распределения продукта и условий труда, а не вытекает из необходимости узаконить уже ведущую роль пролетариата в производственной сфере, как это было когда-то с буржуазией.

Для того, чтобы как-то принять марксист-

ский тезис руководящей роли пролетариата в дальнейшей истории человечества, надо забыть или опровергнуть основной первопостулат самого марксизма — утверждение им примата технологии, примата состояния и характера производительных сил над политической и экономической структурой общества.

Однако какое-то время в дальнейшем нам придется рассуждать так, словно мы не обнаружили недоказанности Марксом и Энгельсом уже первых и основных предпосылок, предопределяющих неизбежность пролетарской социалистической революции. Ведь по сей день широчайше бытует представление, что все беды и пороки реального социализма проистекают из недостаточной марксистской последовательности его устроителей, а не из недостатков самой теории.

Социалистическая революция, по Марксу и Энгельсу, сводится в конечном счете к “фактическому признанию их (капиталистических производительных сил) характера как общественных производительных сил” (стр. 137)³.

Не усматривая общественного характера управления производительными силами в конкурентнорыночной экономике, Маркс и Энгельс хотят прямого и непосредственного распоряжения средствами и продуктами производства со стороны “всех трудящихся”, “ассоциированных производителей”, “общества”, “всего общества”. При этом предполагается распоряжение общественным производством как единым целым, подчиненным всеобъемлющему рациональному “твердому” плану, охватывающему также и распределение, то есть потребление, личное и общественное.

Как же практически подобное управление должно быть введено и реализовано? По замыслу автора, “Развитие социализма от утопии к науке” должно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Постараемся с предельно доступной нам объективностью перечитать эту работу.

Итак, по Энгельсу, сначала “все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один “трест”, в союз, с целью регулирования производства” (стр. 137).

За 107 лет, истекших после этого пророчества Энгельса (моя работа пишется в 1984 году) в странах Запада и западного типа возникли крупные почти-монополии в национальных и международных масштабах (в некоторых, сравнительно редких, случаях и почти полные, еще реже — полные монополии), а также массивные огосударствленные отрасли. Но как правило в развитых промышленных демократических странах еще сохранились в большинстве отраслей конкурирующие крупные производственно-сбытовые объединения, действующие на фоне множества предприятий средних и мелких масштабов. Не будем го-

ворить о том, что именно в последние годы усилились и обострились тенденции денационализации предприятий и отраслей, потому что отчетливо проявилась экономическая несостоятельность огосударствленных отраслей производства (Англия, ФРГ, США и др. страны). Там же, где огосударствление усилилось, оно внедряется как правило политически (Франция), или внедрено глубоко в общество во время длительного правления социалистов (Израиль). Но вернемся к Энгельсу. Итак, по его представлению, каждая отрасль производства прежде всего образует сверхтрест.

“В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осозательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества кучкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель всего общества вынуждено будет взять на себя руководство производством” (стр. 137—138).

Заметьте: “с трестами или без трестов”. То есть огосударствление, которое мы привычно и неправильно называем национализацией (государство не нация, а только часть таковой: власть и ее аппараты), возможно и в дотрестовской стадии капитализма. Отсюда один шаг до ленинского “прорыва слабого звена в цепи мирового империализма”, то есть до готовности вводить социализм на любой стадии развития экономики, если появляется политическая возможность его ввести. И Маркс с Энгельсом несомненно такой шаг в подходящей политической обстановке сделали бы. По части того, с чем могут мириться народы, мы будем несколько осторожнее Энгельса, ибо мы уже видели и видим сегодня, как ведут себя великие и малые народы в тисках истинного всеобъемлющего политико-экономического и информационно-идеологического монополизма, в которые они тем или иным способом попали. Они мирятся с весьма страшным существованием.

Мы уже говорили о том, что классический марксизм проводит симметрическую аналогию между парами “аристократия — буржуазия” и “буржуазия — пролетариат”. В рамках этой (отвергнутой нами) аналогии для Маркса и Энгельса естественно было предположить, что государство возьмет на себя функции класса капиталистов так же, как в свое время оно узурпировало военные функции класса суве-

ренных феодалов, и будет выполнять их с таким же успехом.

В свое время государство действительно взяло на себя функцию класса феодалов как военной силы, создав государственную армию с государственным командным составом. Точно так же, экспроприировав тресты или до-трестовскую экономику, государство может взять на себя экономико-административные функции класса капиталистов. Действительно, **может взять и на наших глазах берет и осуществляет.** Тем не менее аналогия в ее итоговой, оценочной части несостоятельна: с присвоенной им социальной функцией класса капиталистов государство справляется далеко не так легко и успешно, как со своими военными задачами. Иными словами, **МОНОкапиталист** из него получается куда менее квалифицированный, чем **МОНОфеодал**.

С военными задачами легче справляться, чем с экономическим управлением. Военные функции легко формализуются и централизуются. Армия в силу ее задач и целей естественно организуется как машина, волевые импульсы в которой движутся только сверху вниз — от командующих к подчиненным. Снизу вверх идут только сведения, информация. Армия — это по определению сугубо авторитарный, а во время войны — тоталитарный централизованный механизм. Воля и потребности элементов и подсистем этого механизма учитываются как правило лишь в меру их значимости для выполнения ставящихся перед ними командованием задач. Люди мирятся с этим злом в той мере, в коей мирятся со злом войны как таковым. Взятие же на себя государством функций разрозненных и конкурирующих друг с другом капиталистов, кровно заинтересованных в прибыли, подменяет волю потребителей, осуществляющих запускаящую всю систему свободный выбор (отбор лучшего, **по мнению каждого из них**, предложения в ряду конкурирующего множества таковых), — государственной волей, которая будет предопределять и производство, и потребление. Информация, требуемая для этого, неизмеримо больше по объему, чем информация, необходимая для ведения войны и тем более — для существования армии в мирные периоды, каковых большинство. Кроме того, в военной сфере четко определим глобальный критерий оптимальности (расшифровка понятия “благо”) — победа или прочный, хорошо обеспеченный и как можно менее дорогой мир. В экономике же у каждого потребителя есть свой критерий блага, и пренебречь им — значит лишить потребителя свободы. Определить же все эти личностные критерии государство не смогло бы, даже если бы и хотело. Но и свои собственные критерии оптимальности ему очень трудно выработать, ибо для этого нужна не-

прерывно поступающая исчерпывающая информация о непрерывно меняющейся системе с практически бесконечным количеством внешних и внутренних связей.

Приведу несколько примеров того, с какими объемами и наплывами информации имеет дело и должно справляться государство, полностью взявшее на себя управление общественной экономикой в современном индустриально-аграрном обществе.

В СССР “за последние пятнадцать лет объем хозяйственной информации увеличился в десять раз. Уже сейчас общее количество норм, планируемых и отчетных показателей и других документов, используемых в управлении экономикой, достигло астрономической цифры 6 триллионов!”⁴.

О том, насколько трудно при таком объеме рабочей информации составить удовлетворительный план функционирования огосударственной экономики или хотя бы выработать удовлетворительный исходный критерий оптимальности (с чьей точки зрения?!) для выработки такого плана, говорит в ряду массы других свидетельств следующий скромный пример.

Для определения трудовых затрат, которые необходимо заблаговременно знать верховным планирующим инстанциям, нужен предварительный достоверный баланс трудовых затрат, а в СССР, по данным Т.М. Бардина, лишь в 1962 году был разработан баланс трудовых затрат за 1960 год, а в 1967 году ЦСУ “начало работать над составлением межотраслевого баланса производства и распределения в народном хозяйстве СССР за 1966 год. Эти данные позволяют полнее судить об уровне производительности труда в настоящее время”⁵.

Как же тогда до определения этих затрат были составлены планы на каждый текущий год, всепроникающие и общеобязательные?!

Ежечасно реализуется некий информационный парадокс: сведений слишком много для того, чтобы их можно было освоить, а недоосвоенность сведений не позволяет построить обоснованный план. Четырехэлементная формула успешного управления: **хотеть — знать — мочь — успевать** — невыполнима, начиная со второго члена и до четвертого. Маркс и Энгельс предполагали, что рассчитать наилучшее коллективное производство и потребление как некое планомерное целое будет проще простого. Оказалось, что это далеко не так.

Заместитель заведующего отделом плановых и финансовых органов Комитета народного контроля СССР А. Петров пишет в “Правде”:

“Только в основные отделы нефтепромысловых объединений поступает свыше трех миллионов печатных знаков цифровых документальных сведений. Из них 75% не ис-

пользуются... Вычислительной техники в статистических органах еще мало. Да и та, что имеется, используется непродуктивно, время полезной загрузки не превышает 50%”⁶.

Начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. Белов пишет: “В Министерстве химической промышленности СССР, хотя здесь дело обстоит с делопроизводством не хуже, чем в других ведомствах, в 1967 году оборот деловых бумаг составил 683 тысячи документов, на 160 тысяч больше по сравнению с прошлым годом. Кроме того, издается свыше 450 тысяч приказов и директивных писем. Всегда ли оправдана такая бумажная лавина, такой “круговорот” документов? Нет. Многие документы проходят многократно через одни и те же инстанции... просто из-за плохой постановки дела. Это беда и других ведомств. ...Такое обилие документов не всегда позволяет даже прочесть их внимательно, не говоря уже об исполнении”⁷.

“Обследование одного из Министерств показало, что по ряду разделов ненужная информация составляет 90% всей информации, передаваемой в верхние инстанции (“ненужными” считались только те сведения, относительно которых ни один человек во всей цепочке от низшего производственного звена до Министерства не мог сообщить, для чего они используются). Объем ненужной информации составляет ежегодно (в проверенном одном

министерстве) — около 2000 страниц, заполненных цифрами. В процессе передачи эти сведения несколько раз перепечатываются. А в то же время в них отсутствует ряд данных, необходимых для управления. Вероятно, аналогичное положение имеется и в ряде других министерств” — говорит акад. Трапезников⁸.

Не так давно фундаментальные трудности управления централизованной государственной экономикой были подтверждены новым исследованием. В октябре 1984 года получил Нобелевскую премию по экономике английский ученый сэр Ричард Стоун (Кембриджский университет).

Сэр Ричард разработал ряд расчетных систем, позволяющих более точно определять финансовые ресурсы государства. Эти системы используются в настоящее время всеми крупнейшими международными организациями и более чем ста правительствами. В социалистических странах, по мнению Р. Стоуна, они использоваться не могут, так как при плановой экономике невозможно установить точные цифры спроса и предложения.

Причина все та же — необъятность объемов информации, необходимой для управления экономикой, превращенной в единую централизованную систему.

И эти-то космические по своим масштабам объемы информации увеличились за время, истекшее после приведенных только что пафосных высказываний в десять раз!

БИБЛИОГРАФИЯ

¹К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. II, М., 1955. Госполитиздат. Т. 4, стр. 324 — 339. В дальнейшем страницы указаны в тексте после соответствующих цитат.

²К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. II, М., 1955. Госполитиздат. Т. 2, стр. 532 — 545. (Речь 8 февраля 1845 г.) Страницы указаны в тексте после соответствующих цитат.

³“Развитие социализма от утопии к науке”. Все цитаты по двухтомнику избранных сочинений Маркса и Энгельса. Москва, ГИПЛ, 1952, т. 2, стр. 83 — 145. Страницы указаны в тексте после цитат.

⁴Проф. Л. Юдович, “Бразды правления”. “Новое русское слово” от 16.IX.1983г.

⁵Бардин Т. М., “Производительность труда и эффективность производства”. Изд. “Знание”, М., 1967.

⁶Бардин А., “Статистика под углом анализа”. “Правда” от 28.VI.1966.

⁷“Известия” от 25.3.1968.

⁸Акад. Трапезников Т. М., Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию, 30 сентября 1968 г., Тбилиси. “Автоматика и телемеханика” 1969, № 1; “Наука и жизнь” 1969, № 1.

В. КОБЫЛИН

“БЕСЫ”

*Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

Пушкин. “Бесы”

То, что происходит в Советском Союзе, и то, что произошло и стало существовать как Союз Советских Социалистических Республик (официальное название), вызывает самый острый интерес и желание как следует разобраться в этом необыкновенном явлении, которое грозит захлестнуть весь мир, имея при этом в арсенале апокалиптические альтернативы.

Прежде всего зададимся вопросом, были ли до наступления событий 1917 года (как февраля, так и октября) какие-либо предположения, зафиксированные в письменной форме,

были ли до наступления событий 1917 года (как февраля, так и октября) какие-либо предположения, зафиксированные в письменной форме,

которые раскрывали бы все грядущие роковые события в форме возможного правдоподобия. Эти предположения имели место в трудах К. Леонтьева и Ф. Достоевского. Остановимся на короткое время на высказываниях К. Леонтьева, чтобы затем всецело обратиться к "Бесам" и "Дневнику писателя" Ф. Достоевского. Взгляды К. Леонтьева на будущее России претерпели большие изменения. Вначале они были скорее оптимистическими, радостными, а под конец взгляды эти сделались явно пессимистическими. По мнению К. Леонтьева, для России универсальной идеей была византийская идея. Он верил не в Россию, не в русский народ, а в византийские начала — церковные и государственные. Он верил в миссию византизма, а не России. И миссия эта была мировая. Византизм — мировое, а не национальное начало. В русский народ К. Леонтьев не верил с самого начала. Важен не народ, а великая идея, которая владеет народом. Церковные и государственные начала для него выше национальных. Либерально-демократической и атеистической России он любить не хочет. Он ненавидел современную, либерально-эгалитарную Европу как торжество мещанства. Он говорил также, что Церковь в России слишком зависима от светской власти. Глубокие сомнения в русском народе и роковые предчувствия грядущего разложения заставляют его воскликнуть: "Надо подморозить Россию, чтобы она не "гнила". Он был всецело против руссификации окраин. Он называл руссификацию "жидкой, бледной и нивелирующей европеизацией". В своих письмах к друзьям он писал (к К. Заморееву): "Русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия ничего не обойдется". Духовной веры в русский народ у него не было. Все вело К. Леонтьева к сомнениям в будущем России, которые мучили его последние годы, и к полной потере веры в Россию. К. Леонтьев относился с презрением к либерализму как к направлению умеренно-нерешительному, расчищающему почву для торжества разрушительных начал. Сам он более всего не хотел средних, умеренных путей для России. К. Леонтьев с необычайной проницательностью предвидел, что русский народ не остановится ни на каких умеренных формах и устремится к самому крайнему и предельному. Леонтьев понимал, что на мир идет социализм со всеми его страшными опасностями. Он говорил: "Воспитывать наш народ легальности очень долгая песня, великие события не ждут окончания этого векового курса. А пока народ наш понимает и любит власть больше, чем закон".

Мысли К. Леонтьева чрезвычайно интересны и свидетельствуют о провидческих чувствах, когда он говорил о будущем России.

Но это были высказывания скорее общего характера, хотя им никак нельзя отказать в

тонком переживании и предвидении будущего. Совсем другой характер носит то, что писал Ф. Достоевский в своих гениальных произведениях, в особенности в "Бесах" и "Дневнике писателя". Начнем с последнего. Вот как бы вступление к его высказываниям о будущем России.

"Европейская революция начнется с России, ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении (правительстве), ни в обществе". "Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его". "Интернационал распорядился, чтобы революция началась в России". Достоевский предсказывал, что это будет кровавый ужас, потемнение человеческой совести, попрание всякой человечности вообще. В двух своих произведениях — в "Сне смешного человека" и в "Преступлении и наказании" (сон Раскольникова) — люди, желая водворить на земле всеобщее единение, поднимают восстание, низвергают власти, восстание обращается в междуусобную войну, при которой враждующие части в свою очередь подвергаются внутреннему распаду, и, наконец, водворяется война всех против всех, причем люди уже забыли, за что они сражаются, с кем именно и для чего: страдают ужасно, но продолжают ожесточенно биться.

Достоевский говорит о революционерах: "Начнут гордую Вавилонскую башню, а кончат антропофагией". И в другом месте: "Агитаторы пролетариев будут просто на грабежи звать своих последователей". "Отвергнув Христа, люди хотят ввести справедливость, а кончат тем, что зальют мир кровью, а потом испугаются". "В России бунт можно начинать только с атеизма".

В этих выписках из "Дневника писателя" великий писатель Земли Русской предсказал с точностью поразительной за сорок с лишним лет то, что произошло в России после захвата власти большевиками.

Но "Дневник писателя" — произведение публицистического характера. "Бесы" — это роман, в котором Достоевский показал всю сущность большевизма за несколько десятков лет до его появления у власти в России, и, что еще поразительнее, когда "Бесы" были написаны, еще не было социал-демократической партии и, тем более, большевиков. Это говорит за то, что предвидение Достоевским большевицкого кровавого разгула носило характер ясновидения, проникновения в будущее его психическими способностями.

В русской действительности 60-х и 70-х годов еще не было таких персонажей "Бесов", как Ставрогин, П. Верховенский, Шигалев, Кириллов. Они появились у нас позже. Достоевский раскрывает глубину, выявляет последние начала. Глубинные и последние начала должны раскрыться в грядущем. Достоевский весь обращен к будущему, которое должно родить-

ся от почуянного им бурного внутреннего движения. Характер его литературного дара может быть назван пророческим. Достоевский — изобличитель лжи и неправды того духа, который действует в революции, он предвидит в грядущем нарастание антихристового духа, духа человекобожества. Достоевский открывает, что путь своеволия должен привести к бунту и к революции. Революция — это судьба человека, отпавшего от божественных первооснов. Революция означает катастрофическое изменение в самом первоначальном отношении человека к Богу, к миру и людям. Человек, преступивший в своеволии свою границу дозволенного, теряет свою свободу. Свобода переходит в насилие и рабство. Безбожная свобода истребляет себя. Этот процесс потери свободы в революции и перерождения ее в неслыханное рабство пророчески предсказан Достоевским, и он гениально раскрывает его во всех его подробностях.

Достоевский вскрывает обманчивый характер революции. Она никогда не достигает того, чем прельщает.

Достоевский пишет о Шигалеве, самом законченном типе "беса": "Шигалев смотрел так, как будто ждал разрушения мира и не то, чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого".

Это взгляд человека, отрицающего путь истории, труд культуры, поднимающейся по ступеням. В основе русского социализма лежит закваска, враждебная ценностям культуры и историческим святыням. Социализм хочет заменить собой христианство. Достоевский не знал Маркса, но он гениальным прозрением почуял в социализме то, что потом раскрылось в Марксе и в движении с ним связанном. Достоевский идет дальше и глубже в обличении сокроуенной природы социализма. Он раскрывает в атеистичности социализма антихристово начало. Внутренняя основа социализма есть неверие в Бога, бессмертие и свободу человеческого духа.

Интересны высказывания Шигалева, которые вскрывают самую сущность социализма: "Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю однако же, что кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого". Тут, конечно, есть самая настоящая фанатическая одержимость ложной идеей, которая ведет к перерождению человеческой личности, к потере человеческого облика. Достоевский показывает, как социальные бредовые идеи ведут к истреблению бытия со всеми его богатствами, доводят до пределов небытия.

Эти бредовые идеи — совсем не невинная вещь. Эта революционная мечтательность есть болезнь русской души. Достоевский вскрыл

это и поставил как диагноз, так и прогноз. А теперь присмотримся к главным персонажам "Бесов". Ставрогин и Петр Верховенский, Шигалев и Кириллов, Шатов и Липутин, что они собой представляют и к чему стремятся? Прежде всего это, конечно, одержимые (кстати, по-французски роман "Бесы" называется "Les obsedes" — "Одержимые"), то есть они одержимы навязчивой идеей, которая удаляет их от реальной жизни, изолирует их от нормальных человеческих переживаний и заряжает неистовой энергией к разрушительной деятельности.

Все, так сказать, "корифеи" большевицкой верхушки как бы списаны с персонажей "Бесов" Достоевского.

Чем, скажем, Ленин не Петр Верховенский? Последний говорил: "...мы пустим сплетни, доносы, мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю..." Ленин говорил: "В социалистическом хозяйстве даже очень пригодятся эти мерзавцы, для революции очень нужные люди". "Грабь награбленное!" Петр Верховенский из атеистической предпосылки выводит теорию политического аморализма. Верховенский, за границей завязав связи с Интернационалом, организует в России тайные общества, распространяет прокламации, сеет смуту и готовит восстание. Он сплетник, клеветник, предатель, злобно глумится над отцом, подстраивает убийство Лебядкиных и стреляет в Шатова. Все, что связано с Лениным, как с его внешностью, так и с моральным обликом, говорит, конечно, о его несомненном нравственном уродстве. отразившемся на нем и физически. С голым черепом, с какими-то раскосыми глазами, короткой шеей и кривыми ногами, он говорил, картавя отвратительно, и часто подхихикивал. Он часто закладывал пальцы в жилетку и прохаживался, изрекая свои мерзкие высказывания.

Вот некоторые из них: "Мне, судари мои, на Россию наплевать". "Тьфу, этика, тьфу эстетика!" — "Верить в "Боженьку" — подлость!"

Это только отдельные короткие фразы. Но перелистайте (читать все его сочинения крайне тоскливо (его статьи — какое убожество мысли, какая необыкновенная пошлость и злобность исходит от этих страниц!). И если Достоевский показал в своих героях "Бесов" всю гамму человеческой низости и настоящей бесовской одержимости, то во Владимире Ульянове-Ленине сконцентрированы все самые отвратительные и порочные черты этих героев.

И если есть в Советском Союзе своя особая манера говорить и высказываться, то начал это сознательно Ленин. Он первый вульгаризировал все свои высказывания в статьях, воззваниях и переписке. Это, конечно, законченный тип монстра. Недаром за несколько месяцев до своей смерти он впал в полуидиотское состояние и под конец мычал.

Но и остальные возглавители большевизма представляют собой тех же "бесов", тех же одержимых самого преступного вида. Сталин — величайший преступник и палач, повинный в гибели многих миллионов людей, в своей жестокости перещеголявший всех бывших до него жестоких деспотов и угнетателей! Хрущев — кровавый шут и безжалостный гонитель Церкви. Брежнев — автор "доктрины Брежнева", по которой произошел захват дюжины стран. Два смертельно больных палача и послед-

ний генсек — это все те же "бесы", те же одержимые. И конечно, в этом вся сущность безбожия, отрицания человеческого отношения и предельная одержимость духом Небытия, которая ведет к катастрофе всего мира!

Величайшая заслуга Достоевского заключается в том, что своим гениальным прозрением он предсказал все, что произошло в России после революции и предугадал всю катастрофичность создавшегося положения во всем мире.

Е. КАРМАЗИН

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(по страницам журналов и газет)

"Обозрение", по случаю американских выборов, выпустило специальный номер "Демократия в действии" (№11, сентябрь 1984 г.). Можно было ожидать, что нам расскажут о демократии в главных державах свободного мира. Англия, Германия и Япония, однако, в список не попали. О Франции помещена глава из книги Ж. Ф. Ревеля. "Как гибнут демократии", которая трактует о тоталитарной угрозе — а это уже другая тема; во всяком случае, о голлистской системе мы не узнаем ничего.

Особенно странно умолчание об Англии, где мажоритарная система в один тур лишает представительства в парламенте 25% избирателей, голосующих за либералов, и толкает еще 25% к неучастию в выборах. Между тем, Ллойд Джордж еще в 1917 г. предлагал ввести второй тур (с системой абсолютного большинства). Несомненно, что именно архаическая избирательная система привела к кризису некогда гордого Альбиона, а не деколонизация Британской империи, на которую обычно ссылаются поверхностные обозреватели.

Об американской демократии рассказывает Р. Вессон, профессор политических наук Калифорнийского, Стенфордского и Гуверовского университетов. Статья его, однако, производит впечатление урока для приговорительного класса. Право же, о разделении властей, правах штатов, двухпартийной системе, всеобщем голосовании и прочих открытиях столетней давности мы достаточно осведомлены. А действительно живые вопросы Р. Вессон тщательно замалчивает.

Вот, например, "мы знаем, что почти половина американцев не участвуют в выборах президента США — факт фундаментального значения, бросающий тень на легитимность важнейших политических институтов США" (В. Шляпентох, "Время и мы", №74, стр. 118). Но у Вессона об этом — ни слова, как и о том, что в Европе голосуют 85—90%. Причина абсентеизма, разумеется, — двухступенчатые

выборы президента. Активные меньшинства, сконцентрированные в крупных городах, определяют результаты выборов первой ступени — по штатам. Поэтому молчаливое большинство, разбросанное по американским просторам, видит себя бессильным изменить что-либо и не голосует вообще. За последние годы уже трижды — в 1969, 1977 и 1979 гг. — Палата принимала избирательную реформу для введения прямых выборов, но дело всякий раз разбивалось о сопротивление Сената ("Монд", 24.10.84 г.). Но Р. Вессон скрывает это и не пожелал объяснить, почему, например, не используется конституционный метод реформы через Конвент, в обход Сената.

А тем временем в Америке уже 25 лет длится беспрецедентный кризис президентской институции. Кеннеди убит, а затем убит и его брат, кандидат на пост президента; Джонсон, впервые в американской истории, отказался от выдвижения кандидатуры на второй срок; Никсон, тоже впервые, подал в отставку, а до того это сделал вице-президент; Форд не был избран на второй срок, впервые за 40 лет; Картер не был избран повторно из-за неслыханных провалов; Рейган был крайне опасно ранен, а мотивы преступного покушения остались неясными. На эту тему Р. Вессон тоже не проронил ни слова.

Р. Вессон пространно, но поверхностно описывает систему первичных выборов по штатам, находя, что "это отличается от практики других демократических стран, где кандидатов на главный пост отбирают руководители партии". Неужели Р. Вессон не знает, что во Франции кандидатов в президенты не отбирает никто — они сами выставляют свою кандидатуру, представив 500 предусмотренных законом подписей? Или что в Англии лидер партии назначает партийный аппарат, а не наоборот, и никакого руководителя выше лидера не существует. Р. Вессон утверждает далее, что "руководители партии обычно могут вынудить пре-

мьер-министра уйти в отставку"; ни одного примера он не приводит, что и понятно — таких случаев нет. Большинство депутатов действительно может сбросить премьер-министра (Чемберлена или Идена), но они вовсе не "руководители".

Что до возможных реформ, то Р. Вессон дает такую единственную информацию: "Чтобы хоть немного сбавить напряжение, предлагается ограничить предварительные выборы в штатах одним днем", однако тут же добавляет: "но всем понятно, что у растянутого во времени процесса есть свои преимущества"... Хотя всем ясно, что одновременные первичные выборы в штатах могут быть организованы в несколько туров, что займет 3—4 недели вместо нынешних 5 месяцев.

Наконец, статья Р. Вессона небрежно отредактирована (подготовка текстов к печати и перевод Елены Гессен). Неужели профессор действительно сказал, что процедура смещения президента Конгрессом (импичмент) никогда не используется? Или что "ни один демократический руководитель на протяжении по меньшей мере последнего десятилетия не развязал войну"? (Быть может, тут имеется в виду столетие?) Или что "парламент может сменить правительство, но это случается редко"? (В Италии, при многопартийной парламентской системе, мы это видим часто.)

Статья Франко Вентури, профессора университетов в Турине и Генуе, отличается глубиной содержания. Он точно и изящно констатирует: "Конституция Италии — демократическая, обеспечивающая права гражданина и права групп, глубоко либеральная. Но сегодня, почти через сорок лет, мы ясно видим ее пределы и недостатки. Культ права и его форм помещал итальянским политическим кадрам заняты некоторыми существенными проблемами, как-то: правительственной власти, избирательного закона, регламентирования права на забастовку или деятельности профсоюзов. Все эти вопросы учредительным собранием были отложены на будущее, и они ждут ответа до сих пор. В атмосфере энтузиазма считалось необходимым выбрать наиболее элегантный и правильный образец конституции, наиболее красивый. При этом забыли, насколько демократия трудна; не был учтен печальный опыт Веймарской республики, Третьей французской республики, испанской республики".

К сожалению, Ф. Вентури не предлагает никакого решения этих главных в наши дни проблем демократии. Наоборот, как ни странно, он роняет замечание, что "Франция при голлизме на миг как будто сбилась с пути"... Хотя де Голль именно решил все проблемы, отложившие итальянскими лидерами "на потом". Ф. Вентури очень одобрительно отзывался о "реформаторской политике Де Гаспери". К этой оценке трудно присоединиться. Де Гас-

пери не использовал близкой к гениальности находки Аденауэра — процентной оговорки в избирательной системе, а разработал в 1953 г. свою систему — "с премией для большинства", когда блоку партий, получившему 51% голосов, предоставлялось 65% депутатских мест. Эта реформа была столь явно несправедливой, что провалилась, и Италия вернулась к "веймарской" пропорциональной системе...

В немногих словах Ф. Вентури мастерски чертит многогранный исторический контур: "Двадцать лет в Италии царила форма тоталитаризма, которую Муссолини создавал... превратив короля в пустой символ, церковь в средство пропаганды (например, в Абиссинии), лишив бюрократию реформаторского импульса, предоставив промышленникам и земледельцам* ту форму страховки, которую он назвал корпоративным режимом... Антифашизм победил. Фашизм был навсегда искоренен. Это не означало, что элементы самоуправления, произвола, беззакония, содержащиеся в нем, перестали существовать. Но политическая форма, в которую они были облачены, была разломана... Пружина фашизма не опиралась на прошлое, а основывалась на самой идеологии фашизма, той необычайной смеси насилия, которая привела Италию к краху. В 1945 году этой идеологии, этому политическому импульсу был положен навсегда конец... Как страна, создавшая или, по крайней мере, давшая имя мафии, фашизму, Красным бригадам, Италия несет тяжелую историческую ответственность... Но это движение (сопротивления и возрождения) свидетельствует о невероятной способности Италии к самосохранению".

В превосходном переводе Марио Корти есть несколько сомнительных мест. Не находя в русском языке эквивалента, он перевел *contestazione* как "протест" или "контестацию". Из текста статьи, однако, следуют более ясные определения для этой волны последних 15 лет: самоуправство, распущенность, насилие, беззаконие, наплевательство, саморазрушение, ненависть, презрение, коварство, гнусность, произвол, террор, цинизм, нигилизм, призрак фашизма. Напрасно также Корти вводит в русский язык без объяснения термин "эскадристы", когда по контексту следовало сказать "головорезы". Наконец, Корти неудачно употребляет в русском тексте слово "компромисс" (т. е. уступка), когда по смыслу речь идет о "добровольно-принудительном подчинении".

Примечания от редакции, наоборот, отличаются слабостью. Кавур определяется как "государственный деятель эпохи Рисорджименто, первый премьер-министр единого Итальянско-

* Здесь, вероятно, ошибка в переводе: по смыслу следует — землевладельцам.

го королевства". Не надо долго изучать историю, чтобы знать, что Кавур — создатель объединенной Италии (и, кстати, основатель в 1847 г. журнала "Рисорджименто"). В другом месте указывается, что Савойская династия изгнана из Италии за бегство из Рима от немцев в 1943 г. Быть может, все же не за это, а за поддержку фашизма в течение 20 лет? Тем более, что редакция далее указывает, что "дочь короля Мафилда была депортирована нацистами в концлагерь Маутхаузен, где и погибла"... От нацистов, кстати, бежали многие европейские династии — и становились символами Сопrotивления...

* * *

В "Вестнике РХД" № 142 опубликована статья Г. С. Померанца "Стиль полемики" — ответ на "Наших плюралистов" Солженицына. Приятно заметить, что "Вестник", хоть в одном случае, отошел от нетерпимости и цензуры и дал слово оппоненту.

Однако ответ Померанца разочаровывает. Главное место статьи Солженицына — это проблема государственного устройства: "Да расшифруйте же конкретно: **какую** демократию вы рекомендуете для будущей России? Какую вы предлагаете систему выборов: пропорциональную? мажоритарную? или абсолютного большинства? Должно быть правительство ответственно перед палатами или нет? А — переходный период? Любую из систем — **как** именно перенять? Через какую процедуру? — так, чтобы страна не перевернулась, не утонула?"

Г. Померанц на это не ответил ни словом, — как и все другие плюралисты. В результате убедительность его статьи оказалась невелика. Григорий Соломонович утверждает, что "кошмар современности не в идеях, а в стиле борьбы за свои идеи". Это неверно. Идеи сами по себе важнее стиля. Хотя Г. Померанц замечает: "Я побаиваюсь людей, которые слишком хорошо знают "как надо", — суть идей Солженицына во всей своей многолетней полемике он обходит молчанием.

Г. Померанц обычно ссылается на множество источников. Но он ни разу не упомянул, например, о возражениях Д. М. Панина на "Письмо вождям": "Почему Солженицын считает, что народ хочет ехать на Северо-Восток кормить своей кровью комаров, тонуть в болотах, болеть цынгой, осваивать своими боками страшные места... Загнать людей в зону вечной мерзлоты удастся только насильно... Самоуправством оборачивается общий замысел Солженицына: переселить людей с добрых земель и тепла в страшные гиблые места... Страшно подумать о голых, босых крестьянах, которые... будут трудиться на новом месте в мороз и пургу. Не будет ли это повторением их истребления во времена коллективизации?" ("Солженицын и действительность", Париж, 1975, стр. 15—19). Кстати, Д. Панин здесь не-

прав — у Солженицына речь идет не о крестьянах: "Понадобится осваивать жестокий Северо-Восток — и придется ехать нашим излюбленным образованским детям, а не ждать, чтобы **мещанство** ехало вперед... Без замены интеллигенции Россия, конечно, не обойдется... Из прошедших (и в пути погибших) одиночек составитс^я эта элита" ("Из-под глыб", Париж, 1975, стр. 254-255).

Поскольку Г. Померанц не высказал своего мнения о существовании идей Солженицына, его нападения на стиль, на "пену на губах" теряют силу.

Добавим, что Померанц, справедливо критикуя Солженицына за отсутствие в "Наших плюралистах" сноска к цитатам с указанием автора, журнала и страницы, сам прибегает иногда к еще большему засекречиванию. Об одном из плюралистов он пишет: "Величайшим своим грехом считал, что содействовал развитию этого учения в этой стране". Какого этого учения? Коммунизма? антикоммунизма? — из контекста никак не догадаться...

Отметим также, что в "Справке" Н. Солженицыной в том же журнале содержится важное уточнение. Статья Солженицына "Образованщина" в сборнике "Из-под глыб" была понята как обвинение всей интеллигенции и вызвала соответствующую реакцию. Теперь Н. Солженицына, если не ошибаюсь, разъясняет, что речь идет о "пропагандистской советской элите, а не о всей российской интеллигенции". Если это действительно так, то хотелось бы, чтобы А. И. Солженицын внес соответствующие уточнения в текст "Образованщины".

* * *

Сахаровские Слушания. 10—11 апреля 1985 г. в Лондоне состоялись 5-е Сахаровские слушания. Мне уже приходилось критиковать предыдущие сессии Слушаний (см. "Голос зарубежья" № 34). На этот раз, однако, писать о Слушаниях невозможно — "Русская мысль" не опубликовала никаких материалов, кроме повестки дня и кулуарных разговоров. Что же сказали в своих выступлениях Д. Каминская, Л. Алексеева, К. Любарский, Г. Давыдов, В. Тольц, И. Бирман, М. Восленский и другие — осталось неизвестным, редакция опустила занавес секретности. И это, несмотря на то, что сама "Русская мысль", обсуждая предыдущее Слушание, полагала, что "пренебрежение... (к освещению в прессе) подрывает и репутацию, и серьезность того, что происходит на слушаниях" ("Р. М." 24.11.83 г.).

Я попытался поехать на Слушания за свой счет как корреспондент "Голоса зарубежья". Но, несмотря на неоднократные письма, я не смог получить от исполнительного комитета пригласительного билета. Кроме того, я звонил в Лондон, и переводчица обещала передать эту проблему д-ру Дьюхерсту. Не знаю, передала

ли она, но ни приглашения, ни ответа я не получил. Одновременно мой лондонский коллега звонил председателю комитета д-ру Винну (который по-русски не говорит), но получил ответ, что слушания — открытые, и никаких приглашений не полагается.

Может быть, это и так для диссидентов-номенклатурщиков, которые получили командировочные удостоверения и деньги от своих редакций, заказанные места в первоклассном отеле Russell и прочее обслуживание. Для тех же, кто не имеет чести принадлежать к номенклатуре, требуется преодолеть по крайней мере три барьера: 1) отпуск на работе, 2) разрешение на въезд в Англию и 3) допуск в помещение Слушаний. Без формального приглашения можно споткнуться на любом из этих этапов (меня, например, просто не отпустили на работе).

Однако и другие препятствия не менее трудны. Вопреки тому, что говорил д-р Винн, вот как описывал Е. Янкелевич — член исполнительного комитета Слушаний и личный представитель акад. Сахарова — положение на предыдущей сессии в Лиссабоне: "Организаторы как-то не смогли даже добиться того, чтобы все, кого интересовали Слушания, смогли на них попасть. Так до сих пор и непонятно, кто мог попасть в зал, кто не мог, какая существовала система пригласительных билетов... Я был разочарован неумением организаторов сделать так, чтобы и пресса, и публика получили достаточный доступ к Слушаниям — этот доступ был довольно затруднен" ("Русская мысль" 24.11.83 г.).

Получается странная картина. Номенклатурщикам из сановитых организаций Слушания обеспечивают и расходы — лопатой, и обслуживание — рекой. Корреспондентам же непригласированных журналов (не говоря уже о "простых" эмигрантах) не желают прислать даже десятка строк на бланке. Можно думать, что это — не случайное пренебрежение, а желание скрыть Слушания от публики, которая ведь — чего доброго — не преминет критиковать выступления, как это было и раньше. В связи с этим, в "Посеве" уже отмечалось, по поводу Лиссабонской сессии, что "постепенная деградация Сахаровских слушаний тем более печальна, что от этого может пострадать престиж человека, с именем которого эти Слушания связаны" (№ 1, 1984, стр. 62).

Хотелось бы надеяться, что д-р Дьюхерст, который — насколько нам известно — читает наш журнал, сможет объяснить, почему нашему корреспонденту было отказано в аккредитации.

* * *

"Русская мысль" продолжает печатать странности, на этот раз в области истории. В газете

от 12.7.84 г. опубликовано "Письмо из Америки" В. Аксенова. Главная мысль автора — о различии между "двумя противоположными типами революции. С одной стороны, это люди Галльского Просвещения, французские энциклопедисты Вольтер, Дидро, Руссо и так далее. Французская концепция революции привела к формам современного тоталитаризма. Другая революция, корнями уходящая в Англо-Шотландское Просвещение, и результатом явилась Американская республика, цитадель демократического капитализма".

Напомним В. Аксенову, что Англо-Шотландское Просвещение — это: 1) Английская революция 1640-1660 гг. с казнью короля и истреблением почти трети ирландского народа; 2) Американская война за независимость 1776-83 гг. против Англии и американцев-лоялистов, с энергичной помощью "энциклопедической" Франции и 3) Американская гражданская война 1861 — 65 гг., в которой погибло 600 тысяч американцев (вдвое больше, чем во второй мировой войне)...

Для подкрепления Аксенов почему-то ссылается не на историю, а на литературу, поминая пушкинское: "зато читал Адама Смита и был глубокий эконо́м"... По нашему мнению, тут более уместен Маяковский:

Американцы удивляются,

А мы не верим!

Кстати говоря, в литературе у В. Аксенова тоже не все получается. О "Железке" и "Ожоге" С. Довлатов отозвался так: "Как быть с Аксеновым? Дело идет к пятидесяти — модерн крепчает... Написал выдающийся роман по законам джазовой игры" ("Синтаксис", № 10, стр. 142-144). В другой рецензии об "Ожоге" сказано прозрачнее: "похождения глуповатых пижонов... мелкие людшки, жалкий и ущербный мир... до чего же все это ничтожно!", а об "Острове Крыме" — "это первоклассная пародия... залихватский роман" (А. Татарин, "Русская мысль", 22.9.83 г.). В связи со своей новой книгой Аксенов сказал так: "У меня возникает ощущение колоссального равнодушия, охватившего американскую литературу. Вот пример: они все чаще начинают писать о писателях. Это путь самого малого сопротивления, это полное падение. Апдайк пишет роман о писателе, Филипп Рот пишет роман о писателе, Сол Беллоу пишет о писателе. Это просто какое-то нежелание выйти в мир, в окружающую жизнь, увидеть свою собственную страну... Вот я сейчас пишу роман о фотографах. На самом деле это о писателях, но чтобы не уподобляться мистеру Апдайку, я их назвал фотографами" ("22" № 36, стр. 16-17).

В комментариях на современные события "Русская мысль" часто показывает полную необразованность. Так, в номере от 21.6.84 г. газета сообщает, что английские лейбористы

получили 22 места в Европейском парламенте (на деле 32), а Альянс либералов — 14 мест (на деле — ни одного). Газета явно не понимает английской мажоритарной системы... В номере от 19.7.84 г. газета пишет, что французская конституция позволяет прибегнуть к референдуму, когда дело касается действия государственных органов власти". Разумеется, референдуму могут подлежать отнюдь не действия, а методы избрания властей. Такие же прыжки в ирреальное газета показывала и раньше. Например, по поводу президентских выборов во Франции газета писала 7.5.81 г.: "В 1958 г. Жискар — государственный секретарь министерства финансов в правительстве Антуана Пинэ". В 1958 г., однако, правительства Пинэ не было, а Жискар был государственным секретарем в правительстве де Голля. В том же номере сказано: "Миттеран побежден на президентских выборах 1969 г." Однако в 1969 г. Миттеран вообще не участвовал в президентских выборах... Опять-таки вспоминается совет Маяковского:

Слушайте, читатели, когда прочтете,

То покорнейше прошу — не верьте!

В журнале "Время и мы" №79 напечатана статья Владимира Лефевра, советского эмигранта, ныне профессора Калифорнийского университета — "Алгебра совести или две этические системы". В. Лефевр изобрел математическую модель этики и утверждает, что у советских людей и американцев — совершенно разные этические системы. Он предложил американцам и недавним эмигрантам ряд вопросов: 1) может ли человек дать на суде ложные показания, чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы? 2) можно ли на конкурсном экзамене передать шпаргалку близкому другу? 3) можно ли наказать хулигана более строго, чем того требует закон, если это послужит предостережением для других? 4) может ли врач скрыть от пациента, что тот болен раком, чтобы облегчить его страдания? На все эти вопросы американцы ответили — нет, бывшие советские граждане — да.

На этом основании В. Лефевр делает далеко идущие выводы об аморальности советских людей, о том, что в СССР доминирует этическая система, основанная на агрессивности и т. п. "А сейчас в Советском Союзе царит хамство".

К сожалению, алгебра В. Лефевра основана на фиктивных основаниях. Не уточнив в задаваемых вопросах, идет ли речь о демократических суде, экзамене, законах или о созданных диктатурой ("пролетариата"), автор внес в аксиоматику своей "алгебры" подтасовку (не могу сказать, сознательно или подсознательно). Точно так же, вопрос о поведении врача зависит от необходимости для больного писать завещание и устраивать место в клинике. В СССР, где имущества для завещания нет,

а больному приходится лежать в семье, дело выглядит совершенно иначе, чем в США. Впрочем, имеет смысл привести здесь и мнение Авианова: "Грубая жизнь... В наше время ни один врач не сказал бы пациенту: у вас похоже на рачок... У нас были традиции... Ну там Пирогова или Грановского..." ("Истребитель", "Посев", 1967 г., стр. 14).

Редакция журнала, правда, в какой-то мере отмежевывается, замечая, что "самая блестящая формальная модель остается формальной моделью, не способной вобрать в себя все многообразие мира". К сожалению, журнал систематически публикует статьи, обидные для читателей по сути, как в № 70 (Илья Левков "Новые американцы в анфас и в профиль"), или оскорбительные по стилю, как в № 78 (М. Поповский "Дети и эмиграция"). Правда, редакция отметила, что оценки, исходные постулаты, методы обследования и саму логику мышления Левкова — нельзя назвать бесспорными...

(Интересно все же, откуда это очернительское влияние? От "рынка сбыта, когда подписчиками становятся крупные университеты, многочисленные библиотеки и слависты" (см. интервью В. Перельмана в "Русской мысли" от 6. 12. 84 г.)? Или это вытекает из заявления В. Перельмана в том же интервью: "Абсурден мир вокруг нас — и коммунистический, и здешний — свободный. В тот момент, когда мы обратимся к поискам Бога внутри себя, в своем характере и внутренней судьбе, тогда мы и обречем действительное, а не мнимое счастье, которое бессмысленно искать в абсурдных социальных реалиях".

Основатели Соединенных Штатов думали иначе, когда записали в Декларацию Независимости, что "все люди наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и на стремление к счастью"... В. Перельман сделал свои выводы из двух беспрепятственных эмиграций — в Израиль и США — и уже десятилетнего издания журнала... Меня американская иммиграционная служба (при содействии израильских властей) в США не впустила и превратила, по крайней мере, 5 лет моей жизни в то, что назвать абсурдом нельзя — это было бы слишком мягко... Однако идея о тождестве тоталитарной диктатуры и свободного мира в бездне абсурда — меня, правду говоря, глубоко возмущает.

Свои мемуары В. Б. Перельман назвал "Театр абсурда". В таком случае он выбрал там странную роль...

* * *

В журнале "Внутренние противоречия" №12, 1985, опубликована статья В. Чалидзе "О социально-экономических правах в СССР".

Это доклад Госдепартаменту США о выполнении Советским Союзом соответствующего международного пакта. Приведем несколько критических замечаний к этому докладу.

1. Непостижимо, что В. Чалидзе ни единым словом не упомянул изданных в августе 1983 г. "андроповских" законов, вводящих несталинистские правила при смене места работы, опозданиях, прогулах и проч. (см. "Голос зарубежья" №31). Напротив, В. Чалидзе в столь ответственном тексте безмятежно отмечает, что "смена места работы, в отличие от строгих порядков, существовавших в последний период правления Сталина, вполне возможна, и трудности начинаются лишь у того, кто слишком часто меняет место работы".

2. В. Чалидзе указывает, что "предусмотрено специальное вознаграждение за внеурочную работу, в том числе за работу в праздничные дни", но не сообщает, что это не относится к а) принудительному участию в демонстрациях, б) обязательным дежурствам в праздничные дни, компенсируемых только отгулами, и что в) у всех инженерно-технических работников законодательно установлен ненормированный рабочий день, формально компенсируемый дополнительным отпуском на 1—2 недели (плюс к общему отпуску на 2 недели).

3. В. Чалидзе утверждает, что в СССР отсутствует министерство труда и его власть предоставлена профсоюзам. Эти сведения совершенно неверны — еще в 1956 г. был организован Госкомитет по труду; странно, что В. Чалидзе этого не знает. Но и в период ликвидации наркомтруда в 1932—1956 гг. ВЦСПС мог издавать правила о труде лишь с утверждения или предварительной санкции СНК СССР.

4. В. Чалидзе сообщает, что "в СССР происходит постепенное улучшение пенсионного обеспечения", не сообщая, что до сих пор не выполнено даже постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР в апреле 1981 г. "о повышении размеров ранее назначенных пенсий, имея в виду приблизить их к уровню пенсий, назначаемых в настоящее время работникам аналогичной квалификации" ("Экономическая газета" №14, 1981).

5. В. Чалидзе отмечает, что отсутствие в СССР частной медицинской практики лишает человека свободы выбора врача, однако не указывает, что не существует даже права выбора врача в государственных медучреждениях, а все население приписано к врачам по своему месту жительства.

Такие нарушения обычной ранее для В. Чалидзе юридической скрупулезности могут быть объяснены лишь созданной им высокомерной изоляцией журнала от всякой критики. Похоже, что он материально не заинтересован

в распространении журнала (на мои письма с просьбой о высылке журналов и книг он даже не отвечает).

Пользуясь этим случаем, я хочу также опровергнуть озлобленное письмо некоего В. Патриашвили о том, что якобы В. Чалидзе — грузинский еврей ("Голос зарубежья" №27, декабрь 1982 г.). Автор письма явно ничего не читает из эмигрантской литературы, кроме "Голоса зарубежья" (как это возможно — трудно понять). В мемуарах А. Левитина-Краснова, вышедших в 1981 г., написано следующее: "Мне пришлось сблизиться с Валерием Яковлевичем Чалидзе (наполовину грузином)... С Валерием Чалидзе, или (как его тогда называла вся Москва по титулу его отца) с князем, я находился в тесном контакте" (т. 4, стр. 430). Сам Чалидзе реагировал с заслуженным презрением, заметив: "Не думаю, что эта клевета нанесла мне больше вреда, чем обвинение журнала "Крокодил" в том, что я сотрудничаю с ЦРУ, или заявления в эмигрантской прессе, что я социалист, марксист или грузинский еврей" ("Внутренние противоречия" №9, стр. 29).

* * *

"Проблемы Восточной Европы" (Нью-Йорк). В № 7—8 журнала напечатана самиздатская статья В. Краснова (Б. Кагарлицкого) "Индустриальная деспотия". Автор происходит из номенклатурной среды и входил в оппозиционную социалистическую группу в Москве. Интересны мнения автора о советской истории: "Если Троцкий, а затем Сталин ориентировались на своего рода "большой скачок", то Бухарин понимал, что гораздо надежнее, если экономика будет набирать темпы по мере накопления сил и ресурсов. Национальной буржуазии отводилась в этом плане роль второго эшелона, дополнительного источника экономического роста. Программа Троцкого могла быть осуществлена только деспотическими методами или вообще остаться лишь на бумаге. Сейчас мы знаем, как мало шансов было у Бухарина. Но все же в истории нет однокорейной дороги, в ней всегда есть моменты альтернативы... Сталинисты изображали коллективизацию как осуществление ленинского кооперативного плана. Но, во-первых, Ленин вовсе не собирался загонять крестьян в кооперативы насильственно. Во-вторых, его кооперативы имели с колхозами мало общего. По мысли Ленина, в кооперативе крестьянин сохранял большую часть своей социальной и хозяйственной автономии, в то время как колхозник становился рабом.

Коллективизация оказалась для русской деревни страшнее стихийного бедствия. Ее эффект сравним разве что с татарским нашествием XIII века. Правительство развернуло са-

мую настоящую войну против крестьянства. С 30-х годов начинается обезлюдение и деградация деревни. Еще Бухарин говорил об антинародной сущности этой политики и предупреждал об ее последствиях... Массовые репрессии не щадили никого. Со времен татарского нашествия наша страна не знала такой жестокой власти. Никто еще нигде не обращался так с собственным населением, подобную жестокость позволяли себе лишь иностранные захватчики... Идеологически и политически страна превратилась в кладбище".

В статье Адама Улама "Истоки" в №9—10 того же журнала дается очень интересный анализ происхождения советского марксизма: "Это, во-первых, — идеи самих Маркса и Энгельса, во-вторых, — опыт борьбы большевиков с другими направлениями социалистического движения и в третьих, — уроки бурных лет войны и революции 1914—1917 гг." Отсылая любознательного читателя к тексту статьи, приведем лишь некоторые замечания автора: "Большевики смогли выжить как политическая сила после 1905—1907 годов только благодаря терпимости, проявленной к ним социалистическими и либеральными кругами и в России, и за границей... Даже при самом радикальном марксистском подходе невозможно было предположить, что господствующие классы Европы могут допустить, чтобы борьба за территории и соперничество национальных самодушителей довели их до подрыва их собственной власти. Нельзя было предвидеть ни падения династий, ни распада империй, ни руин, в которые превратятся побежденные народы".

В переводе Бориса Шрагина отметим очередной оборот без видимого смысла: "Были ликвидированы потенциальные возможности этнического и государственного **воссоединения** украинцев и белорусов, когда и тех, и других превратили в советских подданных". Какую мысль должно выражать это косноязычие — мы судить не беремся.

В связи с часто обсуждаемой в том же журнале идеей расчленения России на манер Австро-Венгрии отметим заявление в ООН американского дипломата Карла Гершмана, напечатанное в том же номере: "Принцип самоопределения следует рассматривать как понятие относительное. Он является лишь одним из тех многих принципов Устава ООН, которые одновременно ограничивают и дополняют друг друга. Мир уже был свидетелем злоупотребления принципом самоопределения. Поэтому принцип самоопределения следует осуществлять в сочетании с другими принципами Устава ООН, в том числе с принципом неприменения силы (или недопустимости угрозы применения силы) против территориальной целостности или политической независимости других государств".

* * *

Горбаневская против Горбачева. В "Русской мысли" от 23.5.85 г. напечатана статья Н. Горбаневской по поводу последнего советского указа о пьянстве. Н. Горбаневская **недовольна мягкостью** этого указа: "Увы, Михаилу Сергеичу явно не хватает размаха. Кампанию по борьбе с алкоголизмом — и ту осуществил вполсилы, по старым образцам. Другого арсенала нет и у юного Горбачева, да и тот был пущен в ход с меньшим размахом по сравнению с тем, что вначале планировалось. Видно, систему не омолодишь — боится расшевелиться. Обещанные карточки на водку не введены".

Н. Горбаневская ссылается на секретный доклад об алкоголизме: "Об этом хорошо свидетельствует новосибирский документ ("Р.М." от 7.2.85 г.), упоминания о котором в последнее время появились и в советской печати". Этот документ на непредвзятый взгляд сразу казался фальшивкой, но теперь в "Стране и мире" №4 за апрель 1985 г. сообщается, что два независимых эксперта — американский профессор В. Тремль и специалист по демографии С. Максудов пришли "к единодушному выводу, что самиздатский документ об алкоголизме — подделка. Об этом неопровержимо свидетельствует очевидная неосведомленность автора документа в общей и медицинской статистике, недостоверность многих данных, наконец, стиль и язык документа. Уклонение от правды всегда мстит за себя, и тревога за судьбу своего народа **может обернуться оскорбительным неуважением к народу**".

Но Н. Горбаневская проигнорировала этот анализ, не признала ошибку "Русской мысли", а наоборот — бросилась в атаку на Горбачева за "недостаток размаха". Прочитаем же постановление, по крайней мере, в той форме, как его излагает Горбаневская. **Штрафы** за распитие спиртных напитков в общественных местах — от 20 до 30 рублей, повторно в течение года — от 30 до 50, на производстве — сразу от 30 до 50, с начальством — от 50 до 100 рублей. Приобретение крепких напитков домашней выработки — штраф от 30 до 100 рублей. Изготовление или хранение **без цели сбыта** крепких напитков домашней выработки — "влечет уголовную ответственность" (в "Р.М." от 25.4.85 г. сообщалось, что существующая статья УК — до 5 лет лагеря).

"Убогое воображение у надзирателей социалистического лагеря. Воистину сказано: пьяный проспится", — пишет в заключение Н. Горбаневская, намекая на вторую половину пословицы (дурак — никогда).

Итак, эти военные меры кажутся Горбаневской убогими и неразмашистыми... С чего будут жить дети рабочего, если его оштрафуют на треть или на половину зарплаты? Как быть

с деревней, где и денег-то нет, а все гонят самогон? Посадить всех? Или тех, кто не угодил начальству? А остальные пусть ждут своей очереди? Меньше или больше станут пить клейменные лагерники, когда (и если) их выпустят? Далее, по тексту указа, если колхозница купила литр самогонки и спрятала его на праздник, то ведь это уже хранение, и ее — в лагерь (чтоб в другой раз не хранила для гостей, а выпила бы сама сразу).

Горбаневская требует карточек на водку. Но водка — это ведь не мясо, она нужна не всем; карточки же, по определению, полагаются всем; и тогда — что же, новый указ о спекуляции карточками и опять лагерь?

Приведем по этому случаю слова Ф. И. Шаляпина: "Запомнилась мне одна такая народолюбка из сельских учительниц, которая всю свою к народу любовь перегадала в обиду, как перегоняют хлеб в сивуху... Пришла, думаю я, поклониться Кремлю и она" ("Время и мы", №82, 1985, стр. 187).

Разумеется, с пьянством нужно бороться,

но не тюрьмой же, не безумными штрафами тех, кто напился... Ну не продавайте водки, разрушайте все самогонные аппараты, штрафуйте спекулянтов — разве этого недостаточно? И с другой стороны, улучшайте жизнь людей, стройте больше жилья, остановите холодную войну с собственным народом, которая истощает его физические и моральные силы и ведет к уходу в алкоголь... Но нет, "из всего они делают застенки" (А. Л. Левитин-Краснов, т. 4, стр. 414).

Что же до иных диссидентов, то у них и вправду воображение убогое. Проспятся ли они? Или, как сказал поэт:

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: я знаю, как надо!
И рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по земле железом
И затопит ее в крови...

В. ПИРОЖКОВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СВОБОДНОЙ ПРЕССЕ

Не все, выезжающие теперь из СССР, понимают, что такое свободная пресса. Не все понимают, что свобода тесно связана с ответственностью, не все различают между мнением, впечатлением и фактически неверными утверждениями и т. д. Но хуже то, что не все хотят учиться, некоторые, напротив, весьма arrogantны.

Так, в статье Е. Габовича "Прорыв из круга немоты" в №1—2 "Страны и Мира" за 1985 год утверждается, что основное направление "Голоса Зарубежья" — осуждение третьей эмиграции. Я написала в журнал открытое письмо с опровержением этого ложного утверждения. Главный редактор К. Любарский отказался мое открытое письмо опубликовать и сообщил мне при этом очень удивившие меня вещи, именно, что Е. Габович ничего не писал о нашем журнале, а это он, Любарский, вставил эту фразу в статью Габовича. Затем он сообщил, что таково его впечатление, ссылаясь при этом на некоторые места из "Обзоров" В. Рудинского, и еще высокомерно поучал меня, что если мы вышли на арену прессы, то должны считаться с тем, что о нашем журнале создадутся разные впечатления.

У меня эти поучения вызвали лишь улыбку, я сорок лет участвую в свободной прессе, мне ли ее не знать? Но как раз свободная пресса не допускает того, чтобы редактор вставлял что-либо в чужие статьи и печатал свои впечатления под чужим именем. Ни один из авторов

нашего журнала не стал бы у нас сотрудничать, если бы мы вставляли им в статьи то, чего они не писали. В крайнем случае редактор может еще сократить статью, но не дописывать ее за автора.

Кроме того, впечатление — это одно, а утверждение чего-либо как факта — это другое. Если бы г-н Любарский под своим именем написал, что у него создалось то или иное впечатление о "Голосе Зарубежья", то против этого нечего было бы возразить. Но в статье Габовича содержалось просто утверждение того, чего нет. К. Любарский ссылается на "Обзоры" В. Рудинского, но даже если нашему сотруднику, может быть, польстит, что г-н Любарский весь журнал сводит к его "Обзорам", все же ради справедливости следует отметить, что "Обзоры" В. Рудинского занимают приблизительно одну десятую каждого номера, и в этих "Обзорах" критикуются те или иные авторы или журналы из третьей волны — но и похвалы даются тоже иным авторам из той же третьей волны, никогда не осуждается третья волна как таковая, и немало критики по адресу авторов других волн.

К. Любарский еще нашел нужным опубликовать в своем журнале — о моей поправке другого утверждения, содержавшегося в статье Габовича, именно о неперIODичности нашего журнала, и тем самым создал у своих читателей впечатление, что я возражала только против этого и соглашалась с утверждением о на-

правлении нашего журнала. Это очень ловкая форма передержки, но с этикой свободной прессы она не имеет ничего общего.

В №5 "Страны и Мира" передержка уже совсем грубая и от имени редакции, т. к. не подписана ничьим именем. Цитата из "Нового журнала", из воспоминаний Р. Гуля содержалась в "Обзоре" В. Рудинского. Но редакция "Страны и Мира" это скрывает и приписывает эту цитату, равно как и следующую цитату, так же из "Обзора" В. Рудинского, журналу как таковому, причем обрывает цитату как раз там, где В. Рудинский объясняет, отчего мы, христиане, не можем молиться Богу, чтобы Он кого-либо не прощал. Между прочим, редакции "Страны и Мира" вряд ли известно, что многие верующие евреи в лагерях смерти молились за своих палачей. Они молились, конечно, чтобы эти последние раскаялись в своих страшных поступках. Но раскаявшихся Господь прощает. Нам остается лишь пожалеть редакцию "Страны и Мира", которой, видимо, недоступны такие понятия как раскаяние, прощение, милосердие.

Но вернемся к формальной части. В свободной прессе за статьи, подписанные фамилией, псевдонимом или инициалами автора, отвечает всегда этот автор, а не редакция журнала и не журнал в целом. Поэтому этика свободной прессы требует, чтобы при цитатах всегда указывался автор. В. Рудинский в своих "Обзорах" всегда точно указывает авторов, если он цитирует из какой-либо статьи. Но если редакция "Страны и Мира" вписывает своим авторам то, чего они не писали, то она, видимо, об этой этике свободной прессы и не подозревает. Больше того, в том же №36 "Голоса Зарубежья", в котором были цитированные места из "Обзора" В. Рудинского, напечатано письмо Доры Штурман, которая не согласна с англичанином Грэмом, Р. Гулем и В. Рудинским. Если б редакция "Страны и Мира" была корректной, она бы указала на то, что "Голос Зарубежья" в противоположность "Стране и Миру" допускает разные мнения на страницах своего журнала. Но это не входило, видимо,

в намерение редакции "Страны и Мира", желавших опорочить весь журнал, не брезгуя никакими средствами. Манера это чисто советская. Очень жаль, что она теперь вынесена в свободный мир.

Что касается сущности самого вопроса, то ясно, что дискуссия постфактум ведется только с точки зрения тактики. Как объясняет В. Рудинский в своем ответном письме в №37, конечно, по его мнению (а так же, очевидно по мнению Грэма и Р. Гуля), Гитлер ничем не лучше, только в мировом масштабе был менее опасен. Об этом можно иметь то или иное мнение, но только злонамеренно можно обвинить, например, тех, кто считал Гитлера опаснее Сталина в сталинизме.

Повторим еще раз: грустно, что чисто советские методы очернительства и передержки вынесены в свободный мир. Эмиграция потеряет свое право на существование, если она не преодолеет в себе внутреннего большевизма.

Забавно, что редакция "Страны и Мира" празднует 40-летие победы над итальянским фашизмом, полностью оставляя в стороне национал-социализм. Фашизм был, собственно говоря, разрушен уже в 1943 г. самим итальянским королем, не говоря уж о том, что он никогда не был ни так страшен, ни так опасен миру как национал-социализм. Фашизм был диктатурой и в своей идеологии этатизмом, но у него не было расовой теории. В военном отношении фашизм сумел завоевать Абиссинию, но уже на Греции споткнулся и должен был позвать на помощь немецкие войска.

Неграмотность в терминологии и неразличение феноменов — вещь весьма опасная. Советская власть поспешила заменить термин "национал-социализм" "фашизмом", чтобы жители Советского Союза не обратили внимания на то, что и у Гитлера социализм, хотя он не интернационалистический, а националистический. А зачем редакция "Страны и Мира" идет на поводу у советских пропагандистов? Впрочем, это тот же феномен, который был отмечен нами выше.

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Вестник РХД" №143 разочаровывает. Отрывок из романа "Март 17-го" Солженицына краток и незначителен. Этюд Б. Филиппова о Клюеве — очередная безуспешная попытка возвеличения этого порочного (с перчинкой, как деликатно выражается его апологет), недоброго человека и слабого поэта (сравнить его с Есениным, подлинным крестьянским поэтом, — и все сразу становится на свое место!).

О. Арановская старается навязать Пушкину свое мнение о невинности Годунова в смерти царевича Димитрия; мнение ложное и, главное-то, не разделявшееся великим поэтом. Очерк ее написан живо и ярко, — да что проку, когда он построен на целиком ложной концепции? То же *mutatis mutandis* можно сказать и про статью А. Великановой "Соляной столб", об участии русских эмигрантов: отлично по

форме, порою остроумно или трогательно, — и полная пустота содержания! Весь тезис о бессмысленности и тщете эмигрантского существования фальшив; а потому и мысли автора вращаются в заколдованном кругу и подобны бесцельному бегу белки в колесе.

Самое цельное в номере — окончание статьи А. Мирова "Русский вопрос", гораздо более глубокое и убедительное, чем было начало. С большинством рассуждений Мирова надо целиком согласиться: "Православие есть основа России... Среди русских, разумеется, есть и последователи иных христианских вероисповеданий, а также — учитывая, что в понятие россиян входят все, кто считает себя таковыми, — среди них могут быть и иудеи, и мусульмане, и буддисты... Литовское, польское или татарское происхождение могут обуславливать пристрастие личности к костелу или мечети, но в то же время не противоречить ее общероссийским чаяниям и интересам". Верно намечая конечные цели и устремления России, проникательно анализируя ее отношения с Западом и причины ее трагедии, Миров куда менее убедителен, когда пробует указать способы борьбы с большевизмом, скатываясь к пресловутому внутреннему самоусовершенствованию. Тем не менее, статью его стоит прочесть, а ради нее и весь номер (иначе, пожалуй, можно бы без того и обойтись).

"Наши Вести" №397. Обширное место отведено убийству югославского короля Александра в 1934 г. в Марселе. Не все детали этого черного дела выяснены и по сей час; в частности, доля причастности к нему большевиков. Остальные страницы посвящены главным образом воспоминаниям о деятельности Балканского корпуса во время прошлой войны, часто любопытным и иногда неожиданным (например, об его сотрудничестве с четниками).

"Русская Жизнь". Согласно правилам турецкой орфографии, буква с читается как дж. Так фамилия турка, стрелявшего в папу, пишется *Агса*, а звучит *Агджа*. Русские зарубежные газеты это постепенно поняли (дольше всех, кажется, сопротивлялась "Русская Мысль"). А вот "Русская Жизнь" и по сегодня не разобралась и даже, ухудшая дело, печатает *Акга*; и это — в большой статье, специально рассказывающей о покушении в Риме. Зачем трактовать о вещах, которые не понимаешь? Когда же надо или уж хочется — почему не разузнать, не справиться у людей или по книгам? Конечно имеется разница между журналистами добросовестными и недобросовестными, культурными и некультурными... Стыдно писать — в редакционных заметках особенно — *Картум* вместо *Хартум*. Авторы явно не только географию по-русски не учили, но и романов или путевых очерков на нашем родном языке не читали. Но с таким багажом — какая уж журналистика?!

По-русски арестант или заключенный может быть отпущен на слово, но никак не на **пароль**! Пароль у нас имеет узко военное значение условного отзыва на оклик часового. С местными именами в санфранцисской газете обстоит **решительно** неблагополучно! Даже столь известное название как **Таити** принимает форму **Тахити**... Португальские же названия в Бразилии и вовсе нелепо уродуются: **Речифе** вместо Ресифе, **Бахия** вместо Баия, **Горизонте** вместо Оризонте; даже фамилия Эскобар превращается в **Ескобар**!

Ю. Мейер одержим навязчивой идеей о "чрезмерном размножении человеческих особей". Что его закономерно приводит к заключению, будто "человечество должно пересмотреть свой взгляд на ценность человеческой жизни". Подобный пересмотр предусматривал бы окончательный отказ от принципов христианской морали; а к какому аду на земле это приводит, мы сейчас наблюдаем своими глазами. Г-н Мейер ядовито издевается над противниками аборт, и не без одобрения ссылается на весьма сомнительные данные, что якобы в Китае теперь официально топят новорожденных девочек (так оно, положим, там было... но не в наши дни, а века тому назад)*.

Удивляет перепечатка старого рассказа А. Ладинского, эмигранта первой волны, вернувшегося после войны в СССР. Казалось бы, таких писателей рекламировать не стоило бы!

Наоборот, исключительно хорош рассказ Н. Гончарова "В прицепном вагоне трамвая №7" из быта сталинской России. Мы уже читали его, когда-то давно, в парижском журнале "Возрождение". Странно, что автор, явно весьма одаренный, как будто ничем иным не проявил себя в литературе.

"Страна и Мир" №12. Сначала журнал был противен, но отчасти интересен. Интересным он быть перестал, а противным остался. М. Вальцер изо всех сил тщится доказать, что прежние-де авторитарные режимы были не лучше нынешних тоталитарных, хотя это ведь грубая ложь. Английский писатель Г. Грин, в перепечатанном здесь интервью какой-то французской журналистке, явится против правых диктатур и признается в симпатии к коммунизму. Каким же идиотом надо быть, чтобы — в наши-то дни! — искренне так думать (а в

* К сожалению, имеются сведения, что под давлением коммунистической диктатуры убийство девочек в Китае возобновилось. Как известно, диктатура в Китае допускает лишь одного ребенка в семье. Если женщина забеременеет вторично, ее жестоко принуждают к аборт. В деревнях, где все еще ценится больше мальчик, в том случае, если первой рождается девочка (которая должна остаться единственным ребенком) иногда скрывают рождение и убивают девочку в надежде, что второй ребенок будет мальчик. Но если Ю. Мейеру это нравится, пусть он переселяется в коммунистический Китай. — **Прим. пер.**

неискренности не станем его подозревать). Единственное тут дельное — "Письмо в редакцию" Ю. Фельштинского, возражающего А. Янову в следующих словах: "Мне хотелось лишь показать, что за мнимой научной терминологией не стоит ничего серьезного. Россия — страна с многовековой историей, традицией и культурой, переломленными революцией 1917 года. И эту историю никак не уместить в 13 строчек примитивной схемы".

"Форум" № 10. В. Малинкович — а еще ответственный редактор! — в передовице плетет галиматью; аж стыдно за него! (Конечно, цель — очернить Россию — в его глазах оправдывает любые средства.) Не угодно ли? "...испанское, французское и английское государства... создавались путем объединения вокруг одного центра земель родственных, хотя и разных народов (каталонцев, арагонцев, кастильцев, галисийцев и т. д. — на Пиренейском полуострове; англичан, валлийцев, шотландцев и ирландцев — на Британских островах; бретонцев, провансальцев, лангедоков и т. д. — во Франции), а под властью Петербурга (ныне Москвы) оказались не только славяне, но и народы, имеющие с русскими этнически и культурно очень мало общего".

Относительно Испании и Франции опущены баски, которые ни с кем в Европе не в родстве, кроме, вероятно, грузин. И, для удобства ("замнем для ясности"), обойдена многовековая война испанцев с маврами, кое в чем похожая на нашу с татарами. Но мы-то татар не истребляли и (до советской власти) не выгоняли; а где на Пиренейском полуострове сохранились арабы? Еще хуже получается с Францией. Провансальцы и лангедоки есть же самое; первый термин старше и разумнее, второй — новее и глупее. По-русски бы скорее надо сказать лангедокцы (из слов *lanque d'os*, "провансальский язык", создалось название провинции Лангедок, каковое позже перенесено на ее жителей). В Англии валлийцы, ирландцы и горные шотландцы суть кельты; и если у французов родство с кельтами примерно такое, как у русских с литовцами, то у англичан с кельтами оно разве такое, как у русских с немцами или армянами. Притом Ирландия, после долгих страданий и бесконечных героических восстаний, от Англии вовсе отделилась (что говорит за себя), а в Шотландии кельты были в массе истреблены (начиная с поражения якобитов в битве при Куллодене), и их осталась горсточка. Чем же тут тыкать в нос России?!

Что до бретонцев — почему господа самостийники столь невежественны касательно их борьбы за хотя бы самую элементарную автономию, которой им французы не дают? Ведь, казалось бы, они должны бы им сочувствовать! Да и лангедоки столь же упорно за то же борются (и пока с малым успехом). А эти

лангедоки — в том же примерно отношении к французам, как украинцы к великороссам: (только национальных прав у них поменьше: единственный официальный язык по всей Франции — французский).

Дальше Малинкович развивает довольно сумбурные программы. Для России (он, очевидно, убежден, что в ней большевизм так навсегда и останется) он намечает расширение прав для языков нацменьшинств. Большевики-то не дадут, а иная Россия (любая) могла бы дать, но и тут надо различать: приводящее Малинковича в ярость требование о всеобщем знании русского языка — рационально и неизбежно; нужен общий имперский язык для взаимного общения. Помимо же того, пользование местными языками можно бы сколько угодно расширить, и это было бы только желательным. Хотя насколько имеет смысл издавать на таких языках специальную техническую литературу, на чем настаивает здесь Р. Сольчанык, довольно сомнительно.

Эстонец В. Рандпере старается отождествить русских и большевиков; что делает все его рассуждения зыбкими и двусмысленными. На деле, любое улучшение для эстонцев связано с изменением власти в России; игнорируя это, ничего разумного сказать нельзя.

В целом журнал издается в надежде завербовать новейшую, в массе еврейскую, эмиграцию на борьбу за расчленение России. Вряд ли это выйдет! Украинцы всегда были к евреям враждебны, и те это помнят (тогда как великороссы таким комплексом не страдают). Евреи обычно ассимилировались русской культурой; отнюдь не украинской. Вот и в Израиле они выпускают журналы по-русски, не по-украински (или есть и такие? Что-то мы пока не слышали...). Как обстоит дело в Средней Азии и на Кавказе любопытно бы установить; да про это что-то "Форум" молчит.

"Мулета" 1984. Данный семейный альбом представляет собою продолжение покойного и недоброй памяти "Аполлона" в еще ухудшенном (сколько это возможно) варианте. Приведем фрагменты из романа К. Кузьминского "Hotel zum Turken": "Новый федеральный закон. Торренс, Калифорния. Совет города Торренс принял закон, влекущий за собой 500 долларов штрафа или заключение сроком на 6 месяцев за мочеиспускание в публичных местах. Закон был принят после того, как местная полиция отчаялась привлечь к суду человека, мочившегося на полицейскую машину. ("Плейбой", авг. 76)" — "От одной родившейся в 1910 г. англичанки произошло потомство, в числе которого было 17 убийц, 76 тяжелых преступников, 142 нищих, 171 проститутка и 40 обитателей ночлежки (Д-р Лозбель — Францесбад)".

Не удивительно, если и в самом деле: "Автор, вслед за Ахматовой "получил доктора

гонореис кауза" (Так ему и надо!). Впрочем, он и сам, трезво оценивая свои способности, уныло констатирует: "Стерна из меня не получилось". Немудрено, что когда он: "Писал статьи и отсылал в "Русскую Мысль", то: "Зинаида Шаховская ничего не платила и рукописей назад не отсылала". Кузьминский с трогательной откровенностью рассказывает о своей заветной мечте: полакомиться когда-нибудь человеческим мясом, хорошо бы женским, а всего лучше — девичьим. Подобные вождения к добру не ведут; ни в земной, ни в жизни будущего века.

О других сотрудниках не будем говорить. Они, в общем, на том же уровне. Включая А. Терца, который о себе признает: "Ты сам — стервятник". Он что-то невнятно бормочет о водящихся, мол, в эмиграции курьезных птицах — гулях и струвах; однако всерьез их задевать остерегается. Вероятно, он взвешивает, что в ответ те могли бы очень больно клюнуть; ну, а стервятники, дело известное, смелостью не отличаются.

Е. Шапова в своем кратком жизнеописании, сообщает: "Жизнь моя как кенгуру". Сжато и исчерпывающе!

Альбом полон желания презирать всех доновейших. Но тут налицо презрение снизу вверх; а это — не совсем удобная поза.

"Стрелец" №11. Когда читаешь стихи Н. Горбаневской, создается впечатление (вероятно, ошибочное?), будто она ходит то ли на руках, то ли на четвереньках:

Бестрепетной рукою
страницы выдирая,
другой, и впрямь другою
подступишь к двери рая.

Как не вспомнить анекдот о моряке, возвращавшемся на корабль из кабачка, которому невнимательный прохожий наступил на руку! Но и то сказать: он направлялся все же не в рай.

В отделе критики Е. Тудоровская интересно разбирает стихотворение И. Бродского "На смерть Жукова", построенное на подражании Державину. Менее значительна статья С. Юрьена о В. Тендрякове, которого он справедливо определяет как антисталиниста. Позже писатели стали мужественнее и отрицали уже не только культ личности, но и советский строй в целом; так что эта похвала не звучит особенно громко. В воспоминаниях Д. Шаляпиной-Шуваловой встают картины Европы 20-х — 30-х годов, теперь кажущиеся уже почти сказочными.

"Часовой" №654. В статье А. Федосеева "Ошибка эмиграции" привлекает внимание следующий пассаж: "Большевики превосходно усвоили уроки истории. В их выводах нет и тени ни сатанизма, ни лунатизма, ни идиотизма. Если, конечно, не считать их борьбы с Богом. Однако эта борьба не превращает их

самих в сатану. Сатана сам по себе, а большевики сами по себе. Большевиков крестом не запугаешь". — Сомнительное богословие (или, точнее, сомнительная демонология)! Не считать богобоязности нельзя; ибо — это главное в большевизме. И для тех, кто признает наличие всемогущего Бога, — такая борьба несомненно есть сатанизм и безумие (лунатизм тут совершенно не при чем), которые можно бы назвать и идиотизмом. Ибо не сказано ли: "Что пользы, если мир приобретешь, а душу свою потеряешь?" Дальше — вовсе путаница! Большевики не Сатана, понятно; но — служители Сатаны (и, значит, совсем не сами по себе, а "творят волю отца своего Дьявола"). И уж вовсе ошибочно утверждать, будто они не боялись креста! Все их действия с их появления на сцену и по сей день, их зверства, их лживость суть проявление панического страха перед крестом, перед Христом, перед Богом-Отцом, на которого они восстали. И страх их вполне оправдан; остается им сказать словами их же поэта Симонова:

Вы тревожьтесь; это вы верно!

"Новый Журнал" №158 бледноват, кроме двух превосходных вещей: 1) фельетон И. Мацкевича "Милостивая государыня", где автор отвечает на литературную анкету, присланную ему из коммунистической Польши, с подлинным мужеством в смысле прямом и переносном ("Если я и принимал когда-либо участие в политической деятельности, то исключительно на стороне контрреволюции"...); 2) очерк В. Миклашевского о Радищеве, в котором опровергаются многие клише советского литературоведения.

Р. Гуль продолжает описывать, как он "крестяниствовал" во Франции, и рассказывает о беседах со старым провинциальным реакционером по фамилии Ле Руа Дюпрэ, который вовсе неглупо сказал ему о Блюме: "Именно такие погубили Францию". С некоторой грустью замечаем, что Гуль, — сам-то человек достаточно образованный, — находит нужным своим читателям разъяснить, кто такие были упоминаемые им Гюстав Эмар, Марсель Прево, Шарль Моррас. Настоящим русским интеллигентам подобные примечания не нужны, как не нужны были бы о Чехове или Лескове, о Салиасе или о Гусеве-Оренбургском. Но теперешней публике, увы, пожалуй, что это и требуется...

Перевод отрывков из дневника Марии Башкирцевой может быть полезен тем, кто по незнанию французского языка не имел возможности прочесть оригинал. Сочинения Ю. Иваска (в вовсе неумеренном количестве!) тяжелым бременем висят на шее у "Нового Журнала". Надо поблагодарить Л. Ржевского, одернувшего в "Новом Русском Слове" за неуважение к Пушкину этого претенциозного и безвкусного болтуна, который ему отвечает

здесь длиннейшим письмом. Где, между прочим, объявляет: "По-моему, "Демон" — слабое произведение"... С человеком, публично высказывающим такую чушь, право же, — не стоит и спорить! Впрочем, спорить в приличных формах он и не умеет. Например, В. Солюхина (за то, что тот хвалит Лермонтова) он честит коммунистом и партийным писателем. Ну, будь все коммунисты такие, как Солюхин, — мы бы, наверное, давно были на родине; будь партийные писатели таковы, как он, по честности и по таланту, — русская литература занимала бы почетное место среди остальных. Но зачем нам критиковать г-на Иваска? Он лучше, чем мы бы сумели, сам себя объясняет в стихах (все в том же номере!!!):

Не Дух Святый, а из могилы дух...

Душонка — дурка, да еще жеманница.

По поводу изданной в Париже "Библиографии Б. Зайцева" В. Перелешин восклицает: "Б. Зайцев — явление огромное по охвату и значению". Сие суждение настолько непропорционально более чем скромному дарованию покойного писателя, что звучит просто комично.

"Континент" №43. Мало интересного мы тут находим. Исключение составляют отличные стихотворения И. Ратушинской. Прочитруем первые строки самого чудесного из них:

Помню брошенный храм под Москвою:

Двери настезь и купол разбит.

И, дитя заслоняя рукою,

Богородица тихо скорбит...

Серьезное и содержательное исследование недавно скончавшегося Н. Ульянова "Замолчанный Маркс" — перепечатано из "Возрождения" за 1968 г., где мы его уже читали.

В статье В. Носова о Гоголе одобрим целиком его горячую защиту памяти великого писателя ото всякого рода грязных поклепов, на него возводимых; каковые Носов справедливо определяет как "волну диффамации, яростно плещущую у подножия гоголевского памятника". Приятная перемена! "Континент", видимо, отказался от диких экспериментов по искажению русского языка, и отныне в нем славянские фамилии правильно печатаются, как Каплинский, Литынский, Белогородский; а не Белоградски и т. д., как прежде.

"Синтаксис" № 13. Скользя по наклонной плоскости, журнал скатился в невыразимо гадостную клоаку. В рассказе "Двойник" Э. Лимонов описывает свою встречу в нью-йоркских трущобах с пастором-педерастом, щедро употребляя похабные слова и гнусные технические термины на двух языках. Испытываешь чувство физической тошноты и желание выкинуть в кучу нечистот книжку, источающую липкую, зловонную грязь, а потом вымыть руки или, лучше, принять душ. Декадентские невразумительные и полные неестественных вывер-

тов притчи З. Зиника "Дева и монстр" и Б. Хазанова "Et resurrexit", хотя и сверхкраткие, успевают, пока доберешься до конца, нагнать невыносимую скуку. Ю. Домбровский был писатель честный и умный (а сотрудничество его тут — посмертное и невольное), но и он своей "Докладной запиской" переносит нас в спертую и удручающую атмосферу, повествуя о хулиганстве и пьянстве в СССР и о грубых и безобразных действиях властей в борьбе с ними. Забавная юмореска поляка С. Мрожека (оубликованная когда-то прежде в "Русской Мысли") построена на кошунственном предположении, что большевикам удалось завладеть раем. Перед лицом их земных успехов подобный кошмар может и впрямь возникать в умах их жертв; но это им, без сомнения, не по плечу, хотя они и поют уже давно:

Залезем мы на небо!

Чрезвычайно пакостны словоблудия А. Кленова, который врет с первых же строк. Неверно, будто: "В старой России не писали с большой буквы других богов, кроме христианского". И мусульманского Бога ("Нет Бога, кроме Бога"...), и библейского иудейского Бога ("В начале сотворил Бог небо и землю") писали неуклонно с большой буквы. Но, конечно, у них тот же Бог, что и у нас. Если же многочисленных богов греческого Олимпа, индуизма или кровавой религии ацтеков писали с буквы маленькой, то и как же иначе? Что же до выкриков (опять и опять...) Кленова, что он ни в какого Бога не верит, — в них ничего нового нет: "Рече безумец в сердце своем: Несть Бог!" Он неистово набрасывается на Солженицына. Ясно, и того можно бы критиковать. Беда лишь в том, что все обвинения Кленова — ложные или вздорные. А вытекают (он сам выбалтывает) из того, что он от Соженицына хотел и ждал другого... и недоволен, зачем тот говорит свое, а не по левой шпаргалке. Обвинения эти можно разделить на две категории. Одна, — что Солженицын расист и антисемит. Но ведь это — ерунда, многократно и исчерпывающе опровергнутая уже в печати! И, заметим, ультраправые и маскирующиеся под ультраправых изуверы постоянно того же Солженицына обличают, что он де шабесгой, а не то и сам еврей. Будь он сколько-то последовательным антисемитом, Вряд ли бы такое явление возможным. Чушь и то, будто Солженицын ненавидит инородцев и иностранцев: кто его читал, знает, как много у него встречается симпатичных татар, эстонцев, венгров, шведов и японцев. Другая — зачем он "яростно не приемлет сексуальную революцию". А почему надо ее принимать?! Даже сам Кленов констатирует, что она "доводит распад личности до уровня автомата". Остающийся же упрек, — и самый страшный в глазах Кленова и всего "Синтаксиса", — что Солженицын есть русский патриот, он для нас звучит не хулой,

а похвалой. Грубо провокационный характер носят насмешки над писателем за то, что, мол, он, находясь в СССР, нечестно скрывал свои подлинные мысли и обманывал большевиков! В борьбе с таким страшным врагом, абсолютно беспощадным и совершенно бессовестным, — притворство есть вполне законное оружие. И кто из нас, кому приходилось жить под советским игом, к нему не прибегал?

"Трибуна" №0. Согласно сообщению Г. Андреева в *"Русской Мысли"*, жургаз преставился.

И на могилу приносить

Ему мы будем хризантемы.

"Русская Мысль". С ужасом читаем: из Батимора. Американский город в Мэрилэнде всегда именовался по-русски Батимора, а не Балтимор. Повлияло на сотрудников парижского еженедельника название папирос *"Черномор"* (Пушкина они презирают; так что *"Руслан и Людмила"* тут, вероятно, не при чем)? В стихах Катуллы фигурирует некий Аррий, безбожно калечивший латинский язык:

Chommada dicebat si quando commada vellet
и произносивший вместо *"Ионическое море"* *Хионическое*. Чувствительный Катулл возмущался; но мы — что ж делать? — начинаем к странной географии русской газеты, издающейся на не совсем русском языке, помаленьку привыкать. Хотя, как не воскликнуть:

Quoasque tandem?

Наблюдаем, что *"Русская мысль"* и *"Континент"* друг друга преусердно поливают сахарным лимонадом, как выражался покойный М. Сергеев. Дива нет: два органа одного ведомства...

"Записки Русской Академической Группы в США" том 17. Выпуск посвящен в основном Гоголю. К числу лучших здесь работ отнесем таковые З. Юрьевой и В. Филипп о *"Вие"* и Н. Жернаковой о *"Портрете"*. В первой из этих статей составительницы цитируют мимоходом Ловкрафта; жаль, что они не попробовали сравнить способы нагнетания ужаса у него (и, может быть, у По) с примененными Гоголем, которые они подробно и убедительно разбирают. Есть небезинтересные мысли и в статье Н. Полторацкого *"И. А. Ильин о Гоголе"*. Г. Круговой, анализируя былинку о Дюке Степановиче, приводит любопытные материалы, но его заключение о будто бы иранском происхождении образа ее героя представляется совершенно неожиданным: остается тогда необъяснимым его имя и многократные указания во всех дошедших до нас текстах о его связи с Западом.

"Грани" №135. Много значит редактор! Переменился цвет обложки (с желтого на синий) и качество содержания; оба к худшему. Отделу беллетристики, представленному В. Некрасовым и С. Довлатовым, и отделу путешествий, заполненному коллективным творчест-

вом П. Вайля и А. Гениса, можно бы дать общее заглавие: *"Пошляки за границей"*. Первый из авторов, если и имел когда-то среднего сорта писательское дарование, дано его утратил, а ныне способен поставлять только последовенную пищеварительную болтовню о пустяках, уже нам хорошо знакомую (и порядком надоевшую!) по его прежним опусам в *"Континенте"*. Второй — и вообще Бог весть зачем пишет; лучше бы ему избрать какую-либо иную профессию. Жизненная и мировоззренческая его философия исчерпывается фразами вроде: *"Ведь напиться как следует это тоже искусство"*; *"Раз уж пьянка не состоялась, то все"*. Третьи вдвоем соорудили очерки о Германии, от которых все время невольно морщишься, ощущая фальшивые звуки; с большой развязностью и натугой они тщатся читателю передать свои снобистические вкусы и понятия, старательно щеголяя неглубокой ученостью и претенциозными, более чем сомнительными рассуждениями и оценками. Мимоходом они роняют: *"Мы давно и люто ненавидим родину"*. Хотим надеяться, что тут глагол стоит в подразумеваемой форме двойственного числа. Ибо навряд ли все же под такой фразой согласятся подписаться редакция и потребители *"Граней"*!

Совсем иное дело солидное исследование Б. Парамонова *"Славянофильство"*; даже странно видеть его на беспросветно сером фоне журнала, каким он стал. Здесь эрудиция не показная, а настоящая; мысли не поверхностные и трафаретные, а оригинальные и значительные; форма не хулиганистая, а серьезная и художественная. Словом, составитель вполне удовлетворяет тем требованиям, которые сам предъявляет к литературоведу: *"богатая начитанность, широкий круг интеллигентных ассоциаций"*. Многие его соображения, как сопоставление славянофильства с романтизмом, как сравнения между славянофильством и разными течениями мысли на Западе, заслуживали бы внимательного обсуждения (здесь, увы, невозможного по недостатку места). Не со всем, однако, можно согласиться. Пробуя классифицировать русских писателей, Парамонов не признает романтиком Пушкина, который сам себя таковым считал и, несомненно, таковым и является, и в то же время зачисляет в романтики Л. Толстого и даже... Чехова! С этим трудно примириться. Толстой всякий романтический порыв в себе глушил, а в других высмеивал. Чехов же (оставляя в стороне его чудные самые ранние вещи, как *"Драма на охоте"* и *"Бесполезная победа"*) был бытовиком и реалистом *par excellence*, самым ярко выраженным в нашей литературе в целом.

Зато присоединимся полностью к заключительному параграфу: *"Славянофильство может мыслиться не только как реминисценция,*

но и как программа постольку, поскольку человечеству, и России в том числе, суждено вернуться во всех измерениях культурно-исторической жизни к источникам бытия, создать новый религиозно-культурный синтез, восстановить связь с Богом".

"Наша Страна". Зловещая тень "Веча" все плотнее, все гуще ложится на газету. Она уже перестала быть монархической. Главные, идеологически ведущие ее сотрудники суть теперь: А. Федосеев (чи статьи заполняют по полному... с продолжениями! и кому его восторженные коллеги дружно воскуривают фимиам), Н. Нефедов и Ю. Мейер. Между тем, мы ведь знаем взгляды Федосеева: Россия должна быть перестроена на манер Швейцарии (возражать не станем, настолько эта идея нелепа и неосуществима; но во всяком случае ясно, что для монархии подобная схема не оставляет места). Нефедов же фанатик непредвзятости (в том худшем его смысле, когда все предвзятости и никакое обсуждение не допускается). Он нигде и никогда ни слова не сказал в защиту монархии. Может быть, еще скажет? Сомневаемся... О г-не Мейере рассуждать не стоит; отметим, что его больше всего занимают человеконенавистнические заботы, как бы сократить население земного шара (в каком деле, безусловно, большевики лучше преуспевают, чем какая бы то ни была монархия).

Переход "Нашей Страны" на строго непредвзятые рельсы можно, допустим, расценивать по-разному; а вот опубликование в ней безобразной декларации О. Красовского, выражающей веру в мирную эволюцию большевизма, нужно решительно осудить. Надежды на оную эволюцию не новы в Зарубежье и неуклонно вели к гибели те группировки и тех лиц, которые им поддавались; сменовеховцы, младороссы, евразийцы, совпатриоты покрыли свое имя стыдом, сами же поумирали на концлагерных нарах, как, например, известный критик князь Д. Святополк-Мирский, или вернулись выпрашивать милости у снисходительного Запада, как репатриантка Н. Кривошеина. На плохой путь становится печатный орган, основанный некогда И. Л. Солоневичем!

Если бы перепечатать его высказывания о непредвзятости и об эволюционистах, дышавшие глубоким презрением, на страницах нынешней "Нашей страны"! — верно, ее бумага бы покраснела... коли уж не лица ее редакторов.

P. S. В прошлом обзоре ошибочно напечатано **Келлер** вместо **Келер**. Фамилия известной журналистки Людмилы Келер латинскими буквами пишется как Koehler; поэтому двойное л тут неуместно.

ПАМЯТИ БАРБАРЫ (ВАРВАРЫ КАЗИМИРОВНЫ) ТОПОРСКОЙ-МАЦКЕВИЧ

Прошло меньше пяти месяцев после кончины большого польского писателя Иосифа Мацкевича, о котором мы уже писали в двух номерах журнала, как за ним последовала его жена, верная спутница жизни, тоже писательница, поэтесса, журналистка и художница.

Барбара Топорская родилась 29 августа 1913 года в Варшаве. Молодой журналисткой она начала сотрудничать в газете "Слово", которую издавал в Вильно Станислав Мацкевич, брат ее будущего супруга. Здесь она с ним познакомилась, и здесь же они сочетались браком.

Недолго им пришлось прожить спокойно вместе, занимаясь творческой работой. Европейская война захватила их в свой круговорот. Мы уже писали в некрологе по И. А. Мацкевичу ("Голос Зарубежья" №36), каким образом им удалось сохраниться под советской оккупацией и бежать сначала в Рим, а потом в Лондон.

Барбара Топорская, которая всегда ставила свое собственное творчество на задний план, стараясь помочь своему мужу не отвлекаться ничем другим от его писательской работы, от-

крыла в Лондоне даже скромную мастерскую по починке чулок, чем и зарабатывала на хлеб мужу и себе.

Потом ее пригласили сотрудничать в "Голос Америки", сначала в Лондоне, а потом в Мюнхене, куда супруги тогда и переехали.

После закрытия отдела "Голоса Америки" в Мюнхене Мацкевичи жили крайне скромно и даже должны были пользоваться социальной помощью.

Тем не менее покойная написала и опубликовала три романа. Мы надеемся в одном из будущих номеров предложить читателям рецензии на некоторые из них. Она опубликовала сборник стихов и напечатала в общей сложности 130 разных статей. Покойная была и художницей, один раз ей даже удалось сделать выставку своих картин.

При всем этом она была скромной, приветливой хозяйкой дома, старавшейся получить угостить гостей, несмотря на скромные средства.

Барбара Топорская была такой же убежденной антикоммунисткой, как и ее муж. Она никогда не смешивала русского и коммуни-

тического и часто говорила, что коммунизм можно победить, лишь если все антикоммунисты, забыв национальные раздоры, соединяться и привлекут к себе русский народ как самого сильного своего союзника.

Выросшая уже в независимой Польше, Барбара Топорская не владела так хорошо русским языком, как ее муж, учившийся еще в русской гимназии. Но она выучила русский

язык хотя бы так, что могла свободно читать и понимать. "Чтобы прочесть в оригинале Пушкина и Достоевского", — как она мне сказала.

Мы уверены, что и ее известность еще впереди, в будущей свободной Польше, а потом и свободной России, где ее переведут на русский язык.

В. ПИРОЖКОВА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

"Страна и мир" — или филиал угрозыска?

5-й номер "Страны и мира" за 1985 год повергает в тягостное недоумение. И раньше бывали сомнения в том, как ответила бы "Страна и мир" на роковой вопрос: С кем вы, мастера культуры? Вот, например, уже в самом первом номере журнала (№1 — 2, 1984), в программной статье "Вождь №6", К. Шмидт-Хойер решительно выступил с похвалами "хладнокровному и деловому Андропову", осудив при этом "рабочую массу, естественным образом не одобряющую всякие строгости, соблюдение трудового расписания (?), сокращение отпусков и пр." Нельзя сказать, что автор не ведал, что творил. Он сам пишет: "При Андропове, путем введения новых законов, культурная политика ужесточилась, заборы, отгораживающие советских граждан от иностранцев, стали еще выше, диссидентов и политических заключенных прижали еще сильнее". Итак, андроповщина, или неосталинизм, — идеал журнала... Не будем гадать, почему? — все равно не угадаем. Впрочем, В. Красин недавно рассказал в печати о своих переговорах с Андроповым.

В №4, 1985 — самиздатский текст из Москвы, основанный (или инспирированный?) на "источниках, заслуживающих доверия". Доблестно сражаясь за повышение планов роста производительности труда в СССР (разве для этого нет места в "Правде"?), автор к тому же выказывает полное невежество в этом деле: "Основная часть прироста производства — за счет снижения темпов роста зарплаты". К сведению "Страны и мира" — рост производства достигается повышением производительности труда или ростом численности работников. За счет снижения зарплаты можно повысить прибыль, но нельзя осуществить прирост производства... Как видим, "Страна и мир" усердно качает воду на идеологическую мельницу, крутящую свои жернова против "рабочей массы".

А в №5 за 1985 год самиздатский материал из Москвы — и того похлеще. "Доходные игры" рассказывают о хищении у государства пятиалтынных, которыми народ платит за всякие аттракционы. Все излагается подробно, с указанием всех фамилий и описанием, для убедительности, всех махинаций. Оставляя в стороне вопрос, как автор все это узнал, заметим, что во все времена такой сорт творчества назывался доносом с уликами. Добро бы еще дело шло о воровстве в больницах или детских садах — тут пресса и впрямь должна заступиться за беспомощных; но и тогда заботясь лишь о пресечении зла, а не об уличении виновных. А вот игры пятиалтынников... Я не сочувствую мошенникам и не одобряю их "красивую жизнь". Но, право же, не дело свободной прессе помогать всемогущему ОБХСС (или как его там) в отыскании несчастных жертв для лагерей и в наказании их сверх всякой меры.

Зачем же это делается? Отбрасывая предположение, что для пользы "источников, заслуживающих доверия" (в просторечии — тех, кому надо), остается думать, что от простоты душевной, той самой, что хуже воровства. Объективно, однако, мы не можем не обратить внимание читателей, что журнал, гордо назвавший себя Страной и миром, выступает на деле против, как он говорит, рабочей массы и за андроповщину.

Е. Кармазин

Замеченные опечатки в № 37

Страница	Колонка, строка	Напечатано	Следует читать
Содержание	1 сверху	на русский язык	на венгерский язык
4	1, 10 сверху	по XX советскому изданию	по 2-му советскому изданию
5	1, 26 сверху	выдерживаемости	выживаемости
21	1, 25 снизу	американской периодике	эмигрантской периодике

**Вышла в свет и поступила в продажу
новая книга на английском языке**

Very Reverend D. KONSTANTINOW

"STATIONS OF THE CROSS"

Russian Orthodox Church in the USSR

1970 – 1980

В книге 250 страниц и многочисленные иллюстрации

Цена книги — 10 долларов (включая пересылку)

Заказы направлять по адресу:

Zaria Publishing Inc.

73 Biscay Road

London, Ontario, Canada N6H 3K8

ДОРА ШТУРМАН

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, ТЫ УЖЕ ЗА ХОЛМОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЭРМИТАЖ"

160 стр. Цена 8.00\$

**ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ
ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ**

**Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"

Лондон, Канада

1982

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

